

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

КОМАНДА

ГВАРДИЯ ПРЕЗИДЕНТА

Команда

Максим Шахов

Гвардия президента

«ЭКСМО»

2010

Шахов М. А.

Гвардия президента / М. А. Шахов — «Эксмо»,
2010 — (Команда)

Недалеко от Мурманска найден труп мужчины, работника угледобывающего комбината на Шпицбергене. Дело вроде обычное – ну, загулял мужик да и заблудился в ледяной тундре. Но эта версия сразу отпала, когда эксперты обнаружили на теле мужчины следы жесточайших пыток. А уж когда в кармане убитого обнаружилась металлическая пластина с клеймом Третьего рейха, сделанная из радиоактивного золота, – дело перешло в разряд особо важных. По распоряжению помощника Президента на Север была послана специальная Команда Германа Талеева, подчиняющаяся исключительно главе государства. Она-то и обнаружила, что в том районе, где работал убитый, разбила лагерь очень странная экспедиция...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	28
ГЛАВА 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Шахов

Команда: Гвардия президента

ПРОЛОГ

31 октября 1944 года, северная оконечность Норвегии, населенный пункт Хельстанген на берегу Варангер-фьорда.

Подводная лодка без каких-либо опознавательных знаков пришвартовалась в самой глубине бухты у небольшого деревянного причала. Мощный прожектор с ее хищно зализанной ходовой рубки освещал небольшую часть верхней палубы и дощатый настил, явно построенный впопыхах. Но даже его яркого света не хватало, чтобы рассеять стущающийся на глазах сумрак полярной ночи. Поэтому фигуры людей, снующих взад-вперед по неровным доскам от берега к распахнутому люку лодки и обратно, больше напоминали бесплотные серые тени. А может, виной тому были серо-белые полосатые робы заключенных одного из безымянных, но пронумерованных концлагерей, в изобилии разбросанных по оккупированным Великим Рейхом территориям.

Узники, а их было человек двадцать, под бдительным присмотром дюжины охранников, вооруженных автоматами, торопливо перетаскивали ящики из большого штабеля на берегу к люку подводной лодки, а затем с помощью матросов опускали их на веревках внутрь. Некоторые ящики, чаще всего отмеченные в левом верхнем углу желтым кругом, были так тяжелы, что даже четверо заключенных с трудом тащили их по необструганным доскам причала. Это раздражало охранников, и на измученных людей сыпались брань и болезненные удары прикладами.

Один из таких ящиков оказался чуть шире остальных и никак не проходил в лодочный люк. Офицер-подводник, руководивший погрузкой из рубки, прокричал что-то своим матросам, и те потащили ящик обратно на причал. Однако тут же были остановлены предупреждающим взмахом руки высокого офицера-эсэсовца, внимательно наблюдающего за работами с берега. Сам офицер несколькими быстрыми, размашистыми шагами приблизился к матросам. За ним, еле поспевая, семенил плотный коротышка в гражданской одежде и нелепых круглых очках без оправы на самом кончике мокрого носа. Он суматошно размахивал маленькими ручками, что-то возбужденно выкрикивал и даже слегка подпрыгивал, пытаясь заглянуть эсэсовцу в глаза.

Тот широким повелительным жестом отстранил от ящика матросов, а взмахом другой руки подозвал оказавшихся неподалеку двух заключенных. Вместе с ними подошел и один из охранников. Офицер негромко отдал короткое распоряжение и сам отступил в сторону на несколько шагов. Заключенные разломали ящик. Под черными досками оказался саркофаг с крышкой на прижимных болтах из какого-то тяжелого металла. Груз внутри него также хранился в небольших ящичках, судя по цвету, из того же металла, что и саркофаг. В это время вернулся отлучавшийся куда-то охранник и протянул заключенным два объемистых резиновых мешка. Коробки из ящика быстро переложили в них, и с дальнейшей погрузкой на субмарину трудностей больше не возникало. Сам тяжеленный саркофаг снова перетащили на борт лодки и надежно закрепили специальными ремнями в районе боевой рубки на верхней палубе.

Коротышка в гражданском удовлетворенно нахохлился, втянув голову в плечи, перестал щебетать и лишь поблескивал стеклами очков из-под мокрых полей потерявшей всякую форму шляпы. Но продолжал бдительно следить за всеми перемещениями и действиями заключенных. Причем интересовали его исключительно только черные ящики с круглым желтым клеймом.

Офицер-подводник в боевой рубке, скривив презрительно-недовольную гримасу – это кто тут осмелился, кроме него, командовать на боевом корабле, пусть даже у причала и всего лишь при погрузке, – еще какое-то время ругался себе под нос. Сделать это вслух не позволяли высокий ранг эсэсовца и его специальные полномочия, о которых моряк был специально предупрежден. Потому он от всей души сорвал злость на вынырнувшем из люка матросе-сигнальщике и только тогда, восстановив истинно морское хладнокровие, продолжил руководить погрузкой.

Немцы заметно торопились, и для этого имелись все основания. Вообще эвакуация объекта 106/8417-WWF была запланированной акцией, к ней готовились заранее, методично и последовательно, но слегка ошиблись со сроками. Кто бы мог предположить, что эти русские, вместо того чтобы, как у них это принято, приурочить крупную военную операцию (тем более победную) к одной из своих революционно-государственных дат, решат форсировать события! А ведь какая дата: 27 лет их революции! Поэтому даже в Генеральном штабе мало кто сомневался, что именно к 7 ноября будет осуществляться грандиозная операция Карельского фронта по освобождению Заполярья.

Вся немецкая резидентура докладывала то же самое. Но эти непредсказуемые русские начали чуть пораньше, развернулись еще быстрее и вот уже готовы со дня на день доложить своему Сталину об освобождении Советского Заполярья и прилегающих к нему районов на неделю раньше ожидаемого срока. А «прилегающие районы» – это самая крупная немецкая военно-морская база в оккупированной Норвегии: Киркенес. Сил на ее защиту у немцев не было.

Плывать, какими побудительными мотивами руководствовались русские, но эта неделя скомкала всю подготовительную работу отлаженной немецкой машины.

Вместо того чтобы под звуки полкового оркестра с благоустроенных причалов Киркенеса на вполне комфортабельных плавсредствах достойно ретироваться, прихватив все свои военные трофеи, приходится, как сейчас, ковыряться на темном и грязном берегу маленького фьорда, отправляя с насмешки сооруженного в течение полутора суток причала ценности, собранные за годы оккупации со всего Севера Европы! И еще кое-что, пока никому не известное и не ведомое, но обладающее таким грифом секретности, что и просто помочиться рядом с ним является государственным преступлением. *Zum Teufel!*¹

Тем не менее авральная погрузка наконец завершилась. Матросы-подводники начали спешно готовить лодку к отшвартовке: принимали на борт отданные с пирса концы, проверяли надежность раскрепления в рубке нескольких ящиков, остающихся при погружении на верхней палубе.

Луч прожектора переместился на конец причала, куда по приказу старшего эсэсовца охранники согнали всех заключенных. Несчастные люди ежились под порывами ледяного северного ветра, а внезапно усилившийся снегопад вперемежку с дождем мгновенно превратил их полосатые лагерные робы в заледеневший неудобный панцирь, тяжело болтавшийся на исхудалых плечах.

Последние два десятка человек из восьмисот шестидесяти трех заключенных объекта 106/8417, в основном советские военнопленные, и четверо бойцов норвежского рабочего сопротивления. Тела всех остальных вот уже несколько часов как были надежно погребены под обломками жилых бараков и подсобных строений догорающего в полусотне километров отсюда концентрационного лагеря.

Концы в воду. Теперь уже в самом прямом смысле слова...

Короткие очереди из автоматов были почти не слышны из-за шума непогоды. Тела расстрелянных охранники ногами столкнули с причала в воду и поспешили укрыться в теплом

¹ К черту (нем.).

чреве гостеприимной субмарины. Туда же, внутрь, по вертикальному трапу суетливо и неумело спустились еще несколько лагерных офицеров, колобком прошмыгнул очкастый коротышка и степенно проследовал высокий эсесовец.

На мостике остались только трое моряков-подводников, которым предстояло вывести лодку по незнакомому фарватеру из узкого фьорда. Впереди их всех ожидал очень неблизкий путь.

Так казалось...

Из материалов английской военной разведки, представленных на Нюрнбергском процессе, впоследствии рассекреченных и использованных авторами многочисленных мемуаров.

Донесение, поступившее по каналам радиосвязи 29 октября 1944 года от руководителя разведгруппы «Норд-ХХ», действовавшей на территории оккупированной Норвегии:

«...В связи с успешным проведением советскими войсками операции по захвату базы Киркенес и возможной угрозой дальнейшего продвижения войск в глубь страны ускорены мероприятия по свертыванию объекта 106/8417-WWF. Оборудование и все материалы интересующей нас лаборатории, расположенной на территории объекта, предположительно будут вывезены вместе с другими ценностями морским путем с ближайшего северного побережья на малотоннажных военных судах или подводной лодке в течение не позднее 48 часов, считая от настоящего момента... Сам объект подлежит полной зачистке...»

Из донесения от 30 октября того же года:

«...Уточняем координаты места погрузки... на судно специального назначения: 69 градусов 46 минут 20 секунд северной широты, 29 градусов 40 минут 03 секунды восточной долготы...»

Из устных воспоминаний командира специальной противолодочной группы Военно-морского флота Ее Величества королевы Великобритании командера сэра Джорджа Корнуэлла-мл.

2 ноября 1944 года, северный квадрат Норвежского моря западнее острова Медвежий (принадл. Норвегии).

«...Эта чертова подводная лодка оказалась просто неуловимой! Что могло быть проще для королевских противолодочных фрегатов, чем встретить вражеский объект в заранее указанном месте, в случае отказа под конвоем проследовать в ближайший английский порт в качестве добровольного арестанта и потопить гадину безо всяких сомнений и колебаний?

Поначалу все и развивалось именно по такому сценарию: грамотно подстерegli, уверенно запеленговали, обложили, как лису в норе, со всех сторон, а дальше... Капитан субмарины оказался не просто асом, а каким-то кудесником! Оч-ч-че-ень хорош! Как изящно и элегантно этот немец выполнил всю «обязательную программу» уклонений! И резкие, непредсказуемые зигзаги в стороны, и нырки на глубину, и режим полной тишины... А как он залегал на «жидком» грунте, едва не потеряли! Весь богатый арсенал выложил.

Потом попытался уйти на север. Для любого другого в это время года подобное было бы просто самоубийством, но такой виртуоз мог бы и выкрутиться, чем черт не шутит. Пришлось плотно его преследовать до самого Медвежьего. Там, на «баночке», целую серию «глубинок» точно на него сбросили. Можно было отпевание заказывать. Так ведь соскочил! Шесть часов трупом притворялся, потом отполз, нырнул и бог знает на чем попытался улизнуть!

Трое суток гоняли, как подстреленного зайца. Он бы, конечно, и сам не очухался, повреждения, безусловно, были смертельными, но полученный мною приказ иных толкований не допускал – «Уничтожить».

Разделали нациста под орех уже недалеко от северной оконечности Шпицбергена. Ходовой винт вывели из строя окончательно, корпус разворотили так, что все дерьмо наверх

повсплывало. Даже мазут из поврежденных топливных цистерн вытек, правда, немного. Так откуда же много-то взяться после таких гонок! Еще четыре часа потом весь квадрат утюжили.

Ха! Да после такой обработки не то что подводная лодка, туда и подводная килька еще пару лет заплывать побоится! На славу поработали. А противник достойный был, в честном бою погиб. Настоящая морская смерть!»

ГЛАВА 1

Недлинная жизнь Валентина Симакова была сплошной чередой бурь и потрясений. По крайней мере, с точки зрения самого Симочки. Хотя интеллигентный и непредвзятый сторонний наблюдатель, скорее всего, воспользовался бы словами «ну, просто черт знает что такое!». Правовое обоснование данного утверждения можно было без труда обнаружить в многочисленных милицейских протоколах: «противоправные деяния», «мелкое хулиганство», «нарушение общественного порядка».

Такая невезуха преследовала Валу с самого раннего детства. Ну, собрались, например, «опытные первоклассники» отвести душу в укромном уголке школьного двора в компании с пачкой сигарет «Мальборо». Кто-то прокашлялся минут за двадцать, кого-то вывернуло наизнанку, кого дома просто выдрали как сидорову козу. Только для Валентина этим все не закончилось. Горящий окурочек глубоко провалился за шиворот кому-то из кашляюще-блюющих. Тут уж все совсем полегли от хохота. Классная ржачка на всех напала! А перед школьным педсоветом и на учет в детскую комнату милиции почему-то его одного поставили. Где справедливость?

Или уже постарше, в четвертом классе, пивком побаловались. Всем захотелось еще добавить, а очередной «привод» схлопотал только Симочка – за обчищенные карманы какого-то пьянчуги, валявшегося без чувств под скамейкой в парке.

Дальше – больше. Любознательному мальчику захотелось посмотреть, как изнутри устроен банкомат. За что в милицию?.. Хотя в тот раз простили. А вот акробатический этюд худенького шестнадцатилетнего подростка с форточкой в квартире на первом этаже потянул на два с половиной года детской исправительно-трудовой колонии.

Там он и стал Симочкой, там же окончил среднюю школу – отдельное большое спасибо Министерству образования, – а заодно твердо усвоил, что разбой и грабеж – это не его амплуа, что любое оружие просто противопоказано, а от всяких крупных афер ему следует держаться подальше. В общем, стал почти образцовым гражданином, сохранив при этом свою – возможно, даже генетическую – неистребимую страсть к мелким «шалостям», обману, надувательству и поразительную способность унюхать, где что плохо лежит, и «приделать к этому ноги».

Прямо из ворот колонии он шагнул во взрослую мужскую жизнь, то есть оказался в рядах доблестных Вооруженных сил. И там ему понравилось! Особенно когда через полтора года срочной службы, ввиду повального бегства из разваливающейся армии младших офицеров и сверхсрочников, даже ему – мягко говоря, вовсе не образцовому солдату – предложили остаться на контрактную службу.

Плевать, что вокруг снега Заполярья, а до родного Чернигова больше двух тысяч километров! Зато теперь он – заместитель начальника складского комплекса горюче-смазочных материалов, а куда слить «неучтенку» этих самых материалов с максимальной материальной выгодой для себя, вопрос лишь его личной предприимчивости.

Симочка раздобыл, обзавелся десятками «нужных» знакомств по всему Кольскому полуострову и уже собирался потихоньку выходить на всероссийский уровень, когда тяжелая рука сурового военного правосудия легла на его хрупкое плечо. Пришлось изрядно поднатужиться, подскрести остатки излишков, чтобы вместо малоприятного путешествия в ближайшую спецзону отделаться простым увольнением из рядов Вооруженных сил.

Конечно, о возвращении «без штанов» на свою малую нищую украинскую родину не возникло даже и мысли. Но хотя бы временно покинуть благословенные для него края Симакову было необходимо: военная прокуратура пока лишь краем зацепила большущий пласт всевозможных должностных преступлений, а по мере копания вглубь непременно вновь наткнулась

бы на фамилию Симочки: не на одном же складе ГСМ свет клином сошелся, были еще склады и технические, продовольственные, и даже вещевого обмундирования...

А тут очень кстати попало ему на глаза объявление в какой-то газетенке: а не желаете ли вы поработать на Шпицбергене? Да какая разница, что делать! Сейчас важно – где. За свое чуть криминальное прошлое и слегка подмоченную военную репутацию при оформлении бумаг для новой работы Валентин не беспокоился: он собственноручно извлек из своего личного дела весь компромат. Что стоило знакомому мичману – писарю из отдела кадров дивизии – принести Симочке его секретное личное дело прямо на дом, всего-то на одну ночь? Один ящик «паленого» коньяка. И уже к утру у «демобилизованного по состоянию здоровья из рядов Вооруженных Сил» Валентина Ивановича Симакова выросли длинные белые ангельские крылья. По документам, разумеется.

Так Симочка оказался на российском угледобывающем комбинате острова Шпицберген.

Рассказывают, что на всем архипелаге когда-то действовал «сухой закон». Сейчас в это верилось с трудом. Туризм уверенно становился одной из самых прибыльных отраслей в микроэкономике архипелага, оставляя позади даже угледобычу. Ну а как же туристу без этого самого «сухого» дела? Поэтому спиртное без труда можно было найти днем и ночью в любом из немногочисленных поселков. Кроме того, Шпицберген был зоной tax-free, а значит, цены на горячительные напитки вполне соответствовали уровню иностранца с небольшими доходами.

Вот, правда, с развлечениями было... не очень. Поселковый Дворец культуры явно не удовлетворял эстетических запросов широкой русской души. Можно было, конечно, смотаться в столицу Лонгиенбюен – до нее по прямой чуть больше полусотни километров, и ассортимент услуг там значительно больше, – или самим организовать какой-нибудь экстрим. Хотя поездка в столицу – это уже своего рода экстрим. Дорог на Шпицбергене не было вообще. Только направления, как в нашей родной тундре. А средство передвижения – снегоход. Огромные ледяные плато давали возможность пользоваться им практически в любое время года. Правда, с разной степенью риска...

Такие мысли крутились сейчас нестройным хором в основательно захмелевшей голове Симакова. Общий градус опьянения разношерстной мужской компании в общежитии российских шахтеров поднялся уже на недостижимую высоту. Не сумевшие «дотянуть» расползлись по своим комнатам или комфортно отдыхали всемером на небольшом диванчике в углу. А душа Валентина настойчиво требовала продолжения банкета.

Быстренько пересортировав «штабель» на диванчике, Симаков из самой глубины безошибочно выудил за пятаку худощавое и короткое тело своего нового кореша Васяна – правда, в глубоко депрессивном состоянии. Столь немилосердно выдернутый из нирваны, тот икал и хлопал глазами, пока его отрешенный взгляд не остановился на почти полной бутылке посередине стола. Сквозь мутную пелену алкогольной интоксикации сверкнула молния инстинкта, и рука сама потянулась вперед. Однако Валентин оказался проворнее, а пальцы нерасторопного страдальца вместо уютного стеклянного горлышка ухватили лишь кисть его руки.

– Теряешь хватку, Васяня! И как только с такой реакцией ты умудрялся на питерских рынках сумочки «чистить»?

Кореш промычал что-то невразумительное и изобразил робкое телодвижение по направлению к диванчику.

– Ни в коем разе. Сейчас культурненько по «стольничку» примем, прокатимся с ветерком, еще пару «пузырей» надыбаем и девчушек каких, если повезет.

Контрольными словами, проникшими под черепную коробку Васяна, были «стольник» и «пузырь». Впрочем, их оказалось вполне достаточно, чтобы запустить процесс оживления организма и сориентировать его в нужном направлении. Программа заработала...

Самый лучший наст был в непосредственной близости от залива. Сквозь его твердую ледяную корку не пробивались наверх скалистые пики, не темнел расползающимися пятнами

каменистый островной покров. Правда, здесь подстерегала другая беда: сорваться с высоченной ледяной кручи прямо в воды залива. Так на то и экстрим!

На заднем сиденье снегохода утробно похрюкивал Васян в такт каждому прыжку мчавшейся вперед машины. Во время затяжных подлетов он крепко обхватывал пояс Валентина обеими руками, изо всех сил вжимался в его спину и орал что-то нечленораздельное. Адреналин переполнял Симочку. Он сам орал еще громче, чем его напарник, но старался ни на секунду не отрывать взгляд от яростно прыгающего в нескольких метрах перед рулем пятна света из мощного прожектора, установленного на снегоходе.

При езде с такой скоростью и в таких условиях можно было и не напрягать понапрасну зрение. Ведь даже если успеешь случайно разглядеть в сумрачной круговерти перед рулем какую-нибудь досадную неожиданность, никакая человеческая реакция не поможет предотвратить печальный конец.

Но пока нашим шумахерам везло. Только от напряжения начало сводить судорогой вцепившиеся в руль руки и онемели мышцы бедер, которыми приходилось изо всех сил стискивать сиденье, чтобы на очередном подскоке не оказаться выброшенным на лед.

Однако экстрим экстримом, но организм требовал своего. Симочкин желудок напоминал сейчас шейкер в руках опытного бармена. Изрядное количество разнообразнейшей выпивки вступило в сговор с неприхотливой закуской и под хаотическим воздействием рывков и толчков резко активизировало поиски естественного выхода на свободу. Кроме того, переполнявший Валентина «адреналин» уже сию минуту был готов выплеснуться наружу и ошпарить обутые в меховые унты ноги.

Симаков затормозил и обернулся назад.

– Уф! Ну что, Васянчик, перейдем к пешей экскурсии, а?

Задумчиво-печальный взгляд кореша со всей определенностью свидетельствовал, что уж его-то «адреналин» не стал дожидаться «милостей от природы» и давно проложил свое русло в такие же, как у Симочки, унты.

– Поня-я-тно, – понимающе протянул Валентин, – но все равно, во избежание возможных будущих okazji не помешает прогуляться по каким-нибудь укромным закоулочкам. Вон какие пещерки соблазнительные. И поддуть не будет! Только фонарик надо прихватить: в этих ледяных лабиринтах и днем полумрак.

Кроме аккумуляторного фонаря Симаков взял с собой ракетницу, которую приобрел еще в самые первые дни пребывания на острове. Это было данью островной страшилке о свирепых хищниках, якобы заполнивших все пространство Шпицбергена. О белых медведях, которые разгуливают, где им захочется, включая и обжитые людьми поселки, с единственной целью – пожрать человечины. Действительно, эти самые крупные на Земле хищники на островах присутствовали. У них тут даже было что-то вроде медвежьего родильного дома. Вот только их количество в устном народном творчестве преувеличивалось в десятки раз, да и агрессивность на деле оказывалась вовсе надуманной. При встрече с людьми даже в тундре мишки спешили убраться восвояси, вероятно, хорошо усвоив уроки непосредственного общения с огнестрельным оружием.

А ракетница оружием не считалась. Зато, как утверждали, медведи боялись ее даже больше, чем современных огнестрелов. В общем, ее наличие определенно успокаивало, что немаловажно. Да и сигнал можно было подать, если заблудишься. А вот как раз такие случаи наблюдались сплошь и рядом. Хотя размеры острова были невелики, монотонность пейзажа делала для неопытного глаза все места чрезвычайно похожими друг на друга. И вполне реально было заблудиться, как говорится в русской пословице, «в трех соснах».

Впрочем, сейчас друзьям было легче ориентироваться: всего метрах в двухстах слева был ясно различим край ледяного плато, а за ним простиралась водная гладь. Зачастую западные

заливы бывали свободны ото льда даже зимой, так как сюда заворачивала одна из ветвей теплого северного течения Гольфстрим и расчищала простор.

Сами обрывистые ледяные кручи казались монолитными только на расстоянии. Если подойти поближе, то становились заметны трещины, ниши и большие расщелины. Некоторые из них уходили далеко в глубь ледяных скал, образуя там нескончаемые лабиринты коридоров, проходов, лазов и даже огромнейшие пустоты размером с приличный стадион и высотой в десятки метров. Все, как в «настоящих» скалах. Только с одним очень существенным отличием: вся эта ослепительно-холодная белизна постоянно менялась. Такие процессы происходили и в горах: рост, старение, тектонические сдвиги, даже обвалы. Только их скорости были несоизмеримы, как стремительный бег гепарда и движение улитки.

Ежегодно миллионы кубометров льда пополняли запасы Мирового океана. Подточенные теплым течением огромные пласты с шумом обрушивались в прибрежные воды. За этим «внешним» процессом очень любили наблюдать туристы с палуб своих комфортабельных лайнеров, проплывая вдоль побережья на безопасном расстоянии. Но не меньшие изменения происходили и внутри ледников. Таяние и одновременное нарастание нового льда за короткий срок перекраивало уникальную внутреннюю архитектуру ледяных дворцов. Сдвигались монолитные стены, возникали новые галереи, тупики превращались в проходы, а огромные залы складывались, как карточные домики.

Симаков и Васян приблизились к расщелине в ледяной скале. То, что издалика выглядело как еле заметная полоса, теперь оказалось довольно широким «окном» между ледяными пластами.

– Во! – воскликнул Симочка. – Тут и опорожнимся, не спеша, со всеми удобствами.

К его несказанному удивлению, молчаливый Васян вдруг заговорил:

– Это... вот... – Даже от трезвого Васяна, бывало, целыми днями слова не услышишь, а уж в изрядном подпитии вовсе бирюк бирюком. – Неудобно...

– Чего «неудобно»-то, а? – Валентин уже тревожно переминался с ноги на ногу. – Скользко, что ли? Боишься в собственное говно голой жопой приземлиться? Так ты ступенечку проковырай, обопрись.

– Чисто тут, как в больнице, белое все... не могу...

Чтобы быстрее разобраться с возникшей проблемой, Симаков с ходу предложил:

– Пройдем дальше, там темнее будет, и свет вырубим. Там сможешь?

Друг утвердительно икнул.

Они протиснулись в какой-то узкий лаз, потом проползли под нависающей льдиной, свернули в проход и метров через семь выбрались на более-менее ровный участок с высоким «потолком».

– Ну вот, хоть и не мгла крошечная, но интимный полумрак в наличии. – Валентин не собиравшись ждать и нетерпеливо стал расстегивать штаны.

Но тут снова открыл рот Васян, и от услышанного Симочка просто оторопел.

– Знаешь, Сим, мы с тобой... не так близко... знакомы, чтобы уже срать на бу... тьфу... бур-дур-шафт!

– Чего-чего? – Высказанная заплетающимся языком кореша мысль не сразу закрепилась в сознании, но зато через пару секунд на Валью напал приступ гомерического хохота. – Ой! Уй! Не могу! Васянчик, да ты чего?! Какой брудершafft? Зря ты так налегал в общаге на Федькину самогонку. Она же явно из какой-то синтетической дряни. Вот крышу и снесло окончательно. Ты успокойся, я же не предлагаю тебе ягодицами целоваться! Ха-ха-ха! И на твою девственность не претендую.

– Я... все равно... не могу... Симочка, отойди куда-нибудь... за пере-ре-городку, а?

– Какая, к черту, перегородка?! Совсем охренел, идиот? Мы же в лед-ни-ке! Будешь препираться, оба яйца еще отморозим. Ну, ты как хочешь, а я...

С этими словами Симаков расстегнул пояс брюк.

– Симочка! Я б с-сам ушел дальше, да... с-ил нет... уп-паду на фиг!

Валентин оторвал взгляд от покачивающейся фигуры Васяна и посмотрел ему прямо в глаза. На ум тут же пришло вычитанное где-то сравнение с пуговицами от кальсон. «Точно! А парень совсем не в себе. Видал я таких заикленных. Одного мичмана прямо со склада в психушку увезли с белой горячкой. Так же вот бормотал что-то, и глаза ну точь-в-точь!»

– Ладно, успокойся, дружбан! Я вот по этому проходу в закоулочек сверну. Ты только никуда не уходи, слышишь? Дождись меня или покричи. Возвращаться к машине вместе будем.

– С-спасибо тебе... настоящий кореш... уважаю...

Симочка уже не дослушивал бормотания: приперло так, что он горным козлом с расстегнутым поясом прыгнул «в закоулочек». Но там проход сужался, и не было никакой возможности просто присесть, не говоря уже о комфорте и удовольствии. Так он и проскакал дальше, уже не помнит, сколько поворотов. Но недалеко, это точно. Иначе принес бы к заветной цели полные штаны... удобрений. Едва углядев более-менее свободный участок перед здоровенной ледяной глыбой, тут же из положения «архар в прыжке между скалами» приземлился в положение «горный орел на краю гнезда». Вдохнул протяжно и облегченно, поднял голову и...

Прямо ему в лицо немигающим взглядом уставился какой-то мужик.

– В-ва... – Симочка не договорил. Какой Васян?! Мужик был здоровый и бородатый. Прямо так и уставился. И молчал. Если бы за спиной Валентина не было ледяной стенки, а сам он находился в чуть более удобной для низкого старта позиции, только бы его тут и видели. Но даже в таких невыгодных условиях Симочка не собирался капитулировать. Прямо из позы «орла», не утруждаясь натягиванием штанов, слегка наклонив голову, он двинулся вперед, изо всех сил оттолкнувшись ногами и руками ото льда. «Забодаю на фиг!»

Удар получился сильный и точный. Бородатая рожа ненавистного мужика раздвоилась. Потом... расцвeterилась. И начала покачиваться из стороны в сторону.

А вот забодать – не получилось. Даже наоборот: у Симочки возникло твердое ощущение, будто на его голове мгновенно выросла целая рощица длинных ветвистых рогов, причем все они были направлены почему-то внутрь и своими раскаленными остриями вонзились прямо в затуманенный алкоголем Симочкин мозг, и еще дальше, куда-то в основание черепа, и даже – о господи – значительно ниже вдоль позвоночника, как раз в то самое место, обнаженной поверхностью которого Валентин уже начал плотно примерзать к ледяному покрытию пещеры.

Однако положительный эффект от его действий определенно был. Туман перед глазами рассеялся, взгляд сфокусировался, а мозг вернул утраченную способность к адекватной оценке окружающей действительности. Пришло понимание.

Бородатый «троглодит» пристально разглядывал Симочку, спрятавшись за прозрачной ледяной глыбой! «И ведь не понимает, дурак, что я-то его прекрасно вижу». Всем своим видом демонстрируя полнейшее равнодушие, даже отвернув голову в другую сторону, Валентин на четвереньках неспешно пополз в обход глыбы по удаленной параболической траектории. Такая мелочь, как спущенные штаны, не могла волновать настоящего охотника.

Глыба вокруг не обползалась! То есть, выходит, это была и не глыба вовсе, а стена пещеры? Столь сложная геометрическая гипотеза была пока явно не по зубам Симочке. Пришлось выждать еще пару минут, чтобы хваленый человеческий интеллект одержал верх над дикими предрассудками. Поднявшись наконец с четверенок и застегнув кое-как штаны, Валентин обошел ледяной уступ с другой стороны.

Открывшаяся перед ним картина едва не повергла неустойчивый разум в сумеречное состояние. У «троглодита» не было задницы! То есть затылок был, плечи, спина почти до поясницы, а дальше... ничего! «Так это же памятник! – Симочка всегда гордился своей сообразительностью. – На ледяном постаменте». Внутренний голос резонно возразил: «Какой, на хрен, памятник? Здесь не Эрмитаж!»

Пережитый стресс все-таки проветрил мозги. Валентин, не сходя с места, только немисливо изогнувшись и до предела вытянув шею, попытался снова заглянуть в лицо истукана. Бородач продолжал бездумно пялиться куда-то вдаль безжизненными рыбьими глазами. Симочка слегка передвинул выставленную вперед ногу. Под ступней что-то хрустнуло. Он медленно и осторожно скосил глаза вниз. И тут уже сам застыл, как ледяной: прямо из отсутствующей задней части «троглодита» под ноги Симочке по наклонной глади ледяного постамента неспешно катились золотые колечки, весело подпрыгивали жемчужные и янтарные бусинки, солидно шуршали неторопливо сползающие тяжелые серебряные браслеты. Даже великолепная платиновая диадема, сверкая бриллиантами, пустилась в путь, но, зацепившись острым уголком за ледяной выступ, так и осталась висеть на полдороге.

Куда там сокровищам мадам Петуховой из двенадцатого стула! Тут и Али-Баба, запершись в темноте своей пещеры, от зависти сделал бы харакири. В ледяных чертогах стало невыносимо жарко. Симаков рванул на груди меховую куртку. Хмель сдуло начисто.

– Ну, ни хрена себе, ты и опорожнился!

Валентин вздрогнул от неожиданности всем телом, однако даже не обернулся в сторону шагнувшего в грот Васяна. Он просто не мог оторвать глаз от струящегося под ногами богатства.

– Или это эсэсовец нагадил, а?

– К-какой эсэсовец? – Симочка наконец повернул голову к приятелю. – Како-о-й?

– Чего ты орешь как резаный? Вон этот, бородастый, пучеглазый, в шапке со свастикой и автоматом.

Валентин непонимающе посмотрел в сторону, куда указывала вытянутая рука Васяна. Господи! Так это же «его» «троглодит», но... Как это он сам ничего не разглядел?! Действительно, вросший прямо бородастой мордой в лед мужик был в черной пилотке с фашистской эмблемой, на плечи наброшена какая-то бесформенная хламида... «Масхалат!» Приглядевшись повнимательнее, Симочка увидел и «шмайссер», свисающий с плеча на потертом ремне дулом вниз. «Во, наблюдатель хренов, – удивленно подумал он о приятеле, – а задницы-то все равно нету!» Только теперь Валентин понял, отчего такая диспропорция: немец заморозился в нормальном виде, а потом, под воздействием черт знает каких факторов, пласты льда пришли в движение и начисто срезали всю филейную часть вместе с окорочками.

Легенд о кладах среди шахтеров всегда гуляло великое множество. Редкое застолье обходилось без занимательного и часто жутковатого рассказа о припрятанных драгоценностях. Их хозяевами назывались потомки – или предки – викингов, появившиеся на архипелаге под предводительством конунга Эрика Рыжего или Косматого и давшие ему первое название – Свальбард; то древнерусские рыбаки, ступившие на эту землю лет через триста и привезшие свое название – Грумант; то вездесущие пираты со всех концов света, припрятавшие здесь награбленное. И конечно же, немцы.

В 44-м фашистов выгнали, но времени кой-чего припрятать было вполне достаточно. Следы пребывания немцев шахтеры находили часто. Какая-то утварь, полуистлевшие обрывки одежды, даже оружие... Но ни разу – сокровища.

«Фортуна знает, кого наградить!» – самодовольная мысль в Симочкиной голове быстро уступила место заботам чисто практического свойства. Как вынести, куда спрятать, каким путем увезти с острова, как, где и за сколько реализовать... Шквал вопросов мешал сосредоточиться.

– Интересно... – вдруг задумчиво изрек Васян. – А кому все это будет принадлежать?

Дурацкий вопрос тут же вернул Валентину способность быстро и безошибочно ухватить суть проблемы и мобилизовать для ее решения все силы своего изворотливого разума.

– Ну ты, кореш, даешь! Кто, по-твоему, эти цацки сюда заныкал?

– Дык, немцы же...

– Во-о-о, правильно, немецко-фашистские оккупанты. А кто раздавил эту коричневую фашистскую гадину в самом ее логове? И на периферии тоже?

– Советская Красная армия, – это Васян почему-то выговорил без единой запинки.

«Во воспитание, а?! Никаких тебе «союзных войск», «антигитлеровской коалиции» и прочей дребедени. Хоть ночью разбуди – без малейших колебаний «Советский Союз – освободитель»!»

– Ну а мы – прямые наследники Советского Союза. Сами объявили, когда чужие долги на себя взваливали. А весь мир радостно подвякивал. Так кому принадлежат все права на неопознанное имущество проигравших?

– Выходит, что нам... – Васяну этот довод явно понравился.

– И называется это на международном языке «контрибуция». – Симочка мог бы сказать и «контрацепция»: столь незначительные звуковые отличия полупьяное ухо кореша все равно не восприняло бы. Важна была идея, а она оказалась на редкость правильной и плодотворной. За что Валя незамедлительно похвалил себя в душе.

– За пригоршню этих «брюликов» и «рыжухи» мы можем на всю оставшуюся жизнь забыть, как тундра выглядит, снег блестит и уголек воняет. Ты, вон, зубы вставишь, «пластику» сделаешь, с голливудской улыбкой будешь по Таити расхаживать...

– Я в Ик-и-ндию хочу! – неожиданно выпалил Васян. – Там... М-м-маугли жил! И птицы красивые.

«Ну, орнитолог попался! А «Маугли» – наверно, единственная книга, которую ему в детстве пьяная мама рассказывала».

– Да ты себе за эти деньги пол-Тадж-Махала купишь! – «О господи! Где Васян, а где Тадж-Махал!» – Йогом запросто станешь.

Кореш отрицательно замотал головой:

– Не хочу йогом, хочу, как Маугли, вот!

– Это что, голой жопой на дикобразе скакать и с гориллами на лианах трахаться? – Симочка не смог отказать себе в подначке, но тут же посерьезнел: – Прости, братан! Настоящая мечта и должна быть такая: далекая, светлая и свободная. Будет тебе Индия, я обещаю! – На глазах Васяна уже навернулись пьяные слезы.

– А пока соберем все это в кучу, – Симочка указал на драгоценности под своими ногами, – и обследуем здесь каждую трещинку. Фрицы помалу не прятали. Вдруг здесь где-нибудь и Янтарная комната зашхерена, а?

– Чего-чего?

– Не бери в голову. – Заметив, что Васян как-то неуверенно мнетя, Валентин правильно оценил ситуацию. – Васянчик, милый, поработать придется без допинга. Зато обещаю, что, как только вернемся домой, я из своей заначки напью тебя так, что ты и маму родную не узнаешь!

Тут Симочка абсолютно не лукавил. Этот пункт уже образовался в длинном и подробном перечне необходимых мероприятий, складывающемся в его умной тыковке. Такая двух-трехдневная пьянка по-черному напрочь сотрет из головы у кореша даже малейшие остатки смутных воспоминаний о месте их столь удачного совместного похода. «Кидать» Васяна он не собирался. По крайней мере, так открыто и жестоко. Разве что совсем чуть-чуть. Ведь это – ЕГО добыча, и место будет знать только он один.

Невозможность немедленного принятия допинга расстроила Васяна, но обещанная полноценная пьянка вместо какого-то сумасшедшего метания на снегоходе по ледяным буеракам полностью компенсировала такое незначительное расстройство. Вдвоем они с многократно усиленной энергией – каждый по своим причинам – окунулись в работу.

...И эта «лавка сокровищ» преподнесла им еще немало сюрпризов. Слава богу, больше не попало ни одного отмороженного «троглодита». Зато непредсказуемое перемещение льдов понаделало не одну, а полдюжины «нычек». Содержимое раздавленных ящиков и коробок,

разорванных мешков и пакетов многократно перемещалось внутри ледника, перемешивалось, оседало в образовавшихся кавернах.

А сколько всего еще не показалось на свет божий! От одних таких мыслей у Симакова сладостно сосало под ложечкой. «Ничего, ничего! Я еще не раз наведаюсь в этот золотой заповедник. И уж точно не забуду прихватить подходящий инструмент!» Рукавицы обоих кладовщиков были разодраны в клочья, пальцы и ладони изрезаны в кровь острыми как бритвы льдинками, но в пылу азарта они не чувствовали боли.

Попадались какие-то обрывки бумаг с записями на непонятном языке, схемами, чертежами, графиками, с длинными столбцами цифр. «Ну, понятно, хваленая немецкая пунктуальность. Добросовестно записывали, что, сколько и откуда прибыло, наверняка взвешивали и оценивали. Чем задаром бумагу переводить, лучше бы парочку картин каких припасли, из тех, что теперь на аукционах миллионы баксов стоят».

Среди новых находок Валентина заинтересовали небольшие, но тяжелые пластины прямоугольной формы, заботливо обернутые какой-то фольгой и аккуратно разложенные по персональным коробочкам. Причем сами коробочки тоже были изготовлены из плотного тяжелого металла, а по конструкции походили на небольшие школьные пеналы. Закрывались они удивительно плотно, не оставляя никаких видимых щелей. Многие «пенальчики» расплющились многотонным ледяным прессом в тонкие лепешки вместе с уложенными в них пластинами, но зато крышки других были срезаны, как хирургическим скальпелем.

Повертев в руках первую попавшуюся «лепешку», Симочка даже отшвырнул ее поначалу в сторону: цвет какой-то грязно-серый, поверхность шероховатая. Но потом внимательно разглядел одну из целых пластин. Под ярким лучом аккумуляторного фонаря в левом верхнем углу ему удалось заметить неглубоко выбитое небольших размеров клеймо со свастикой и две маленькие буковки.

«Не могли, козлы, по-русски написать! – выругался Валентин, когда все-таки умудрился распознать во второй букве латинское «U». – А вот первая... То ли «Л», то ли «Д». Но это русские буквы. В латинском алфавите таких нет! – Симочка напрягся, припоминая давнишние уроки английского языка. Буковка на пластине была почти совсем затерта. – Надо почистить чем-нибудь!»

«Чем-нибудь» оказался острый угол платиновой диадемы. Им Валентин поскреб край пластины. Неожиданно под неброским верхним слоем мелькнул кусочек блестящей полированной поверхности, а у таинственной буквы четко обозначилась поперечная горизонтальная перекладина.

«Так это же «А»! Все равно, чушь какая-то получается. Ладно, времени на разгадывание этих кроссвордов у меня еще будет выше крыши. А сейчас надо завязывать, вон, рук уже до самых локтей не чувствую. Так и отморозить, на хрен, можно! – Симочка огляделся вокруг. – Да и обшмонали мы здесь уже вроде все. Мешочек собрали не на один килограмм! – Валентин похлопал ладонью по ближайшей ледяной стенке. – Ну а те, что попрятались, потерпите: я вас совсем скоренько навещу. Тогда и поиграемся снова в прятки!»

Васян уже какое-то время сидел в углу на корточках и с отрешенным видом разглядывал свои побелевшие от холода и окровавленные ладони.

– Не дрейфь, брателло! Похоже, все подобрали, – Симаков потряс перед носом приятеля увесистым мешком. – Можно и домой двигать. Будем усиленно отогреваться. Я свое обещание выполню на 150 процентов.

Безучастный, казалось, ко всему вокруг Васян при последних словах Симакова подскочил, как ужаленный, и рысцой кинулся к выходу. Следующий позади неспешным шагом Валентин даже удивленно покачал головой и поцокал языком: «Вот что значит своевременное, а главное, правильно определенное экономическое стимулирование! И ведь не ошибается, стервец, ни разу в выборе нужных поворотов, чешет, как по шоссе!»

В шахтерской общаге на их длительное отсутствие – как, впрочем, и на возвращение – никто не обратил внимания. По результатам проверки шахтного ствола отделом технического контроля было принято решение об установке дополнительных крепежных секций. Поэтому спуск двух ближайших смен был отменен, и шахтерское застолье продолжалось с неослабевающим энтузиазмом.

Симаков, на радость всей честной компании, выполнил свое обещание на 100 процентов. Потом еще на 50. Ну и совсем немного еще. Поначалу у него копошились смутные сомнения по поводу возможной нечаянной болтливости Васяна, несмотря на все данные им страшные клятвы, но они полностью улетучились при виде друга-приятеля, поглощающего спиртное стаканами и без закуски. Какая болтливость?! Васян мгновенно впал в состояние винного бурдюка: безоговорочно поглощал все, что ему наливали, и был так же молчалив, как и эта водо-непроницаемая емкость.

«Ну, после такого он как минимум сутки пролежит в анабиозе, а после приличной опохмелки – и вторые. Ладно, с мастером насчет него я договорюсь, не проблема». Не видел особо серьезных проблем Симочка и в реализации своего плана вывоза сокровищ с острова.

Конечно, на рейсовом самолете через норвежский Тромсе до Мурманска их не потащишь. Фи! Не больно-то и хотелось связываться с нашим «Аэрофлотом», когда вокруг так и шныряют туда-сюда российские углевозы и рыбаки. У этих ребят опыт нелегального провоза куда и чего угодно имеется о-го-го какой! На корабле слона могут незаметно провезти. Все таможенные находки – результат элементарного доноса, а в спящем (и споенном!) экипаже такие «разборки» не то что не поощряются, а просто пресекаются на корню. И от «зачинщиков» избавляются быстро и безжалостно: ищи себе другой корабль или окапывайся на берегу. Сколько привезено на Острова спиртного да и чего покруче! А сколько вывезено медвежьих и песцовых шкур, оленьих пантов, редких птиц, шмоток импортных и техники!..

Надо только найти подходящую посудину, которая через два-три дня отчаливает из местного порта на Мурманск, и предложить сразу немалую сумму. За это время Симаков рассчитывал еще пару раз навеститься в сказочные катакомбы и официально отпроситься у начальства суток на десять. Здесь тоже «тропинки были протоптаны»: телефонный звоночек на материк, и уже через несколько часов у него на руках будет телеграмма от надежного человека, что, мол, мама родная заболела, надо бы провести старушку. Никто здесь не требовал каких-то официальных заверений, начальство очень либерально относилось к таким «подтверждающим документам». А заработанных отгулов у каждого шахтера имелось на пару месяцев дополнительного отпуска, который, конечно, не предоставляли, деньгами компенсировать – жаба давила, так что поезжай, родненький, за свой счет, скатертью дорога, и заменить тебя в сменах всегда желающие найдутся за лишние бабки. Еще и местечко помогут на нашем корабле найти.

Что же касается именно Мурманска, а не Архангельска, куда тоже причаливали корабли со Шпицбергена, то здесь определяющим становился вопрос дальнейшей реализации ценностей. Мурманск и его окрестности были вотчиной Симакова. Здесь он служил, воровал и продавал. Обзавелся множеством нужных связей, свел знакомства не только с нечистыми на руку военными и чиновниками, но и с настоящим криминалитетом. Теперь такие контакты окажутся чрезвычайно полезными.

...Симочка еще долго не мог уснуть. Будущее рисовалось ему исключительно в розовых тонах. Ни в коем случае он не станет разбазаривать впопыхах свое состояние. Чего-чего, а ждать Валентин умел. «Заведу личный сейф в солидной банке, открою свое дело. Бензоколонку с хорошей репутацией. И непременно под «крышей» военных. Пусть это будет небольшой закрытый гарнизон. А там я уж сумею прибрать к рукам все снабжение. Зато, когда время присплет, выйду на широкий простор не каким-то пацаном, а солидным деловым человеком. Основную часть клада переведу во всякую валюту и размещу по нескольким мировым банкам, кое-что можно продать. Э-э-эх, мама дорогая!»

Для первой, самой рискованной, реализации надо подобрать что-нибудь попроще, в основном «рыжуху», чтобы меньше вопросов и экспертиз. Благо золота навалом. Светиться с «камушками» не стоит. Разве, что пару-тройку цапек позаковыристее прихватить для разжигания интереса...

Глаза слипались, измученное до предела тело требовало настоящего отдыха, и только возбужденный мозг никак не мог успокоиться, и фантастические в своем великолепии картины его, Симочкиного, сногшибательного будущего.

Жить ему оставалось еще целых одиннадцать дней.

ГЛАВА 2

– Ну, заходи, заходи! – Хозяин кабинета приветственно взмахнул рукой. – Что ты в дверях замешкался? Никак лыжи с собой прихватил, а?

– Владимир Викторович, я действительно только что с самолета, но в Давосе был в служебной командировке. – Гость вовсе не оправдывался, говорил спокойно, приятным бархатым баритоном. – Честное слово, у них там такая программа – не то что развлекаться, поужинать спокойно некогда.

– Конечно, конечно, а физиономию тебе до бронзового загара ветром надуло, когда ты голову в иллюминатор высовывал, чтобы разглядеть пролетающих мимо парашютисток.

– Ни в коем случае! Это я всегда краснею, когда захожу сюда. – Гость широким театральным жестом обвел все небольшое пространство кабинета. – Никогда бы раньше не поверил, что в Кремле существуют такие «хоромы». Позвольте поинтересоваться, Владимир Викторович, где же теперь уборщица будет свои рабочие принадлежности хранить? – Он в три шага преодолел расстояние до единственного кожаного кресла и удобно расположился в нем, закинув ногу на ногу и картинно жестом стряхнув несуществующую пылинку с рукава светлого замшевого пиджака.

– Но-но, не зарывайся. Знаешь ведь, что я не люблю больших открытых пространств, и этот кабинетик сам выбирал.

– Бедная, бедная страна, где помощник Президента ютится в какой-то мансарде на периферии государственной жизни! Вы б хоть стол свой письменный отправили по прямому назначению.

– Это куда же?

Гость чуть заметно усмехнулся:

– Так в зоопарк, Владимир Викторович. Поставить его в темную клетку, а на табличке написать: «Слонопотам деревянный. Размножается пилением». Посетители бы верили.

– Не трожь! Это единственная вечная любовь всей моей увлекательной жизни. И потом, я же никого здесь не принимаю.

– Значит, плохи мои дела, если уже до официальных чертогов не допускают.

Было заметно, что эти два человека понимали друг друга с полуслова, а легкий незатейливый треп доставлял обоим видимое удовольствие.

Восседающий за внушительным столом мужчина был по-спортивному худощав, носил короткую аккуратную прическу и выглядел значительно моложе своих 45 лет. Он действительно был помощником Президента страны. И самой темной лошадкой в его администрации. Ни одного интервью журналистам, ни одной официальной фотографии. Он никогда не появлялся рядом с Президентом не только в многочисленных поездках по стране и за рубежом, но даже в кремлевских коридорах власти.

«Я – помощник, а не глашатай и рупор пропаганды». Эту фразу знали все, но и здесь никто не мог бы похвастаться, что слышал ее лично. Его побаивались или, по крайней мере, относились весьма настороженно. Как и ко всему непонятному. Хотя сам он никогда не давал повода для подобных страхов. Такая закрытость, конечно, порождала массу слухов и домыслов. Большинство из них касались его всесильности и просто магического воздействия на Президента. Чушь это все. Он просто был настоящим Помощником. Преданным, честным.

Круг вопросов, которыми он занимался, не смог бы достаточно точно очертить никто, включая его самого. Если о большинстве кадров из аппарата можно было сказать: «Вот этот – по связям с общественностью, этот – по социальной политике или по экономическим вопросам», то он для всех и всегда оставался именно Помощником. Впрочем, некоторые страхи в среде президентского окружения выросли бы до небес, если бы стало известно еще об одной

его ипостаси. Но определенно о ней знал лишь один человек – сам Президент. Именно знал, но никогда не вмешивался, ничего не уточнял, воспринимал как должное и безоговорочно доверял компетенции своего сотрудника.

Владимир Викторович Алексахин курировал деятельность Команды. Такое подразделение не фигурировало ни в одном самом засекреченном перечне ни одной государственной силовой структуры. Его следов невозможно было отыскать и по косвенным признакам: не существовало ни финансовой отчетности, ни продовольственного и материально-технического снабжения, ни кадровой документации. Потому что самих «кадров», которых с натяжкой можно было отнести к постоянному составу, едва набиралась чертова дюжина.

Зато ресурсы Команды были практически неисчерпаемы. В том числе и людские: к выполняемым ею операциям разово привлекались самые высококлассные специалисты любого профиля из любого ведомства. Втемную. Каждый из них был твердо уверен, что оказывает помощь «смежникам» – военной разведке, ФСБ, спецназу ГРУ или милиции. Аналогичным образом привлекали технику, оборудование и пр. Причем распоряжения на «привлечение» поступали из таких «заоблачных» высот власти, где не спрашивают подтверждений, а выполняют мгновенно и беспрекословно, со смешанным чувством радости и облегчения.

У самих же «команданте» имелось столько подлинных документов всех категорий и уровней секретности, что они и сами порой затруднялись идентифицировать свою ведомственную принадлежность. Да и зачем? Каждый из них был великолепной самодостаточной боевой единицей, способной при соответствующей поддержке решать не только тактические, но и стратегические проблемы. Даже шутивное определение «команданте» не являлось ошибкой: они не были солдатами, по уровню выполняемых задач каждый из них был именно Главнокомандующим.

Оттого, наверно, внутри этой чертовой дюжины и отсутствовала какая бы то ни было военная иерархия и должностное чинопочитание. Было безусловное уважение, были трое старших, имеющих контакт с Куратором и один безоговорочно признанный лидер. Именно он сейчас сидел в удобном кожаном кресле, блаженно покуривал тонкую черную ароматную сигару и рассеянно оглядывал голые стены кабинета, даже – о ужас! – без обязательного портрета Президента и государственного флага России.

– Да-да-да, могу себе позволить, – Помощник безошибочно прочитал его мысли, – я стар, силен и независим.

Гость великолепной улыбкой и коротким жестом руки талантливо изобразил комплимент возрасту хозяина и полное одобрение другим эпитетам.

– Какой актер пропадает! Качалов, Щепкин, Мендельсон...

– Господи, – даже слегка растерялся тот, – а этот-то здесь при чем?

– Друг у меня закадычный с такой кличкой был в далекой юности. Консерваторию по классу скрипки закончил. Выступал потом много на подмостках всех... кладбищ. Всегда спрашивал: «Ну что, по Мендельсону?» Оттуда и прозвище. Ба-а-а-льшой артист был.

– Ох, не к добру вы мрачновато шутите, Владимир Викторович!

– А что, черный юмор у нас – это прерогатива только высокоталантливых журналистов?

– Вот теперь еще и наезжаете.

– Да ни за что! Кому охота портить отношения с прессой, тем более с такой... э... привилегированной.

Герман Талеев действительно был заметной фигурой в журналистских кругах. Он сотрудничал со множеством газет и журналов на внештатной основе, его заметки, очерки, репортажи мечтали видеть у себя самые крупные СМИ. Несомненно талантливый, обладающий искрометным чувством юмора, дотошный, наблюдательный, парадоксальный, он имел еще одно главное «материальное» преимущество, отчего заполучить его в «единоличное пользование» так стремились многие: Талеев был штатным аккредитованным кремлевским журналистом. Для него

не существовало закрытых дверей в «верхних» коридорах власти. Никто не мог припомнить, чтобы ему отказали в интервью даже самые закрытые политики страны. Впрочем, никто не мог припомнить, от кого конкретно была аккредитация, но разве это так уж важно? А вот близким знакомством с такой замечательной персоной могли похвалиться очень немногие. Талеев избегал светских тусовок, никогда не показывался на телевидении и вообще слыл затворником. Но чрезвычайно обаятельным. Имеют же знаменитости право на экстравагантность?..

О его личной жизни ходили легенды. Ему приписывали браки со многими известными и популярными женщинами, еще большим было количество мимолетных любовных романов, а разбитые женские сердца можно было измерять центнерами. В действительности же безусловным фактом являлось лишь его безбрачие. На расспросы друзей по этому поводу красавец-журналист лишь разводил руками и с несвойственным ему смущением малоубедительно ссылался на катастрофическую занятость по работе. Если бы друзья знали, что в тот момент он говорит чистую правду!

– Видел-видел твою довольную физиономию в теленовостях. Отличная, Гера, у тебя работа: то на горнолыжной трассе с какой-то доской в одной руке и блондинкой в другой...

– Это – сноуборд, Владимир Викторович.

– А-а-а... Какие трудные эти швейцарские фамилии! Правда, грубовато звучит для очаровательной хрупкой девушки: Сноу Борд, ты не находишь?

Талеев только хмыкнул в ответ, а Помощник продолжал:

– А то на какой-то пьянке со стаканом в одной руке и...

– Позвольте, я закончу, – перебил журналист, – ...и брюнеткой в другой руке... Так ведь?

– Чур меня! Да ты и взаправду экстрасенс, прямо мысли читаешь. Но и мы кое-чему обучены: хочешь, угадаю, как ее звали? – Талеев вопросительно вскинул подбородок. – Сима Позиум!

– А вот и не угадали! Ее звали Вера Ниссаж, она художница-авангардистка и лидер феминистского движения Люксембурга. Кстати, давно уже на крючке у ЦРУ за неумную страсть к кокаину и очень молоденьким девочкам.

– Вот она – просвещенная Европа! Ну а ты-то как в такую компанию попал?

– Во-первых, это была ее персональная выставка. Обратили внимание на картины вокруг? А во-вторых, она меня элементарно вербовала.

– Час от часу не легче! Надеюсь, ты был тверд и неприступен?

– Мало предлагала, – спокойно ответил Талеев.

– Ну и чудненько. А я так вообще ничего не предлагаю...

– Неужели даже в чашечке кофе откажете?

– Да ты совсем-то уж плохо обо мне не думай. Знаю я твою кофейную слабость. Ты ж и меня к этому пристраслил. Из каждой своей... э... командировки привозишь разные баночки, пакетики, скляночки. По ним географию можно изучать: Венесуэла, Колумбия, Коста-Рика; еще этот, как его... ну, раньше был Берег Слоновой Кости?

– Кот-д'Ивуар, но там я никогда не был. Это французы оттуда получают самый крепкий кофе сорта «Робуста».

– Вот мы с тобой к ихнему африканскому кофе и добавим ихнего французского коньячку. Разговор у нас впереди не короткий. – Помощник взглянул на часы. – Меня еще целых 43 минуты никто не побеспокоит.

Он легко встал из-за стола, вытащил из стоящей в углу инкрустированной тумбочки две ажурные кофейные чашки, блюда с какими-то орешками и нарезанным тонкими ломтиками лимоном. Затем к ним добавились два больших пузатых бокала и бутылка «Курвуазье».

– Давай, Гера, придвигайся к столу вместе с креслом. – В руках Помощника появился большой китайский термос. – Вот, кофе пришлось заранее приготовить. Черт знает что: в кабинете помощника Президента нет элементарного кипятильника!

Талеев понял, что Владимир Викторович не хотел, чтобы их беседе мешал кто-нибудь из обслуживающего персонала. Между тем по кабинету уже поплыл густой аромат крепчайшего кофе, вбирая в себя и тонкие струи запаха изысканного коньяка, и дым черной кубинской сигары.

Пригубив напиток, Помощник вытащил из верхнего ящика стола бухгалтерскую папку с вложенными, но не подшитыми листками бумаги и через стол протянул Талееву:

– Пока я буду рассказывать, просмотри это. Сразу предупреждаю, что фактического материала немного, но – чем богаты. Начиналось все так...

Полгода назад под Мурманском в старом заброшенном карьере и по совместительству нелегальной городской свалке был обнаружен труп молодого мужчины. Установили, что убит он был неподалеку, в маленькой охотничьей времянке, а на свалку вывезли, чтобы неласковая тамошняя погода и дикое зверье побыстрее довели тело до состояния полной неопознанки. А его возьми да обнаружь случайно какой-то бульдозерист. Несмотря на изрядную «подпорченность» тела, быстро выяснили, что это – бывший военнослужащий-контрактник одной из береговых частей Северного флота Валентин Иванович Симаков.

Патологоанатом выдал свое заключение: симметричные глубокие порезы на теле оставлены не зубами каких-то хищников, а очень острым предметом типа медицинского скальпеля. Им же профессионально удалены несколько фаланг на пальцах рук. Кроме того, сломаны голени обеих ног, раздроблены локтевые суставы и коленные чашечки. Все повреждения нанесены при жизни. Налицо факт продолжительных жестоких пыток.

Вырисовалась цепочка: бывший военнослужащий, закрытый городок подводников-атомщиков, военная тайна, неудачная вербовка, пытки... Короче, шпионские игры, а это уже компетенция ФСБ. Однако из разговоров с сослуживцами и командирами убитого стало ясно, что складской работник Симаков был весьма далек от военных и государственных секретов, зато был посвящен в тайны многих недостатков ГСМ, имущества, обмундирования и пр. За такое зверски не пытаются, да еще спустя продолжительное время. Да и сам Симаков, предчувствуя возможность преследования со стороны поделщиков, давно бы затерялся на необъятных просторах Родины.

В милиции еще раз обследовали одежду убитого. В карманах не было найдено вообще ничего. Их явно «вычистили». Верхней одеждой Симакова была куртка-пуховик, теплая, толстая и добросовестно разделенная производителем прочными строчками на множество квадратов. Вот из одной такой «емкости» извлекли тонкую пластину темно-серого цвета из какого-то тяжелого металла. Верхний серый слой оказался водозащитной краской, сквозь которую чуть заметно проступало клеймо...

Наливая коньяк в бокалы, Владимир Викторович искоса поглядывал на абсолютно невозмутимого журналиста, который давно уже отложил в сторону папку с бумагами и сейчас бережно снимал фирменную обертку с новой ароматной сигары.

– Что, не впечатляет? – не выдержав, поинтересовался Помощник.

– Ну, отчего же, солидная выдержка, тонкий, но крепкий аромат, купаж...

– При чем здесь коньяк?!

– А вы о чем, Владимир Викторович? – невинно осведомился Талеев.

– Ну, знаешь... – Помощник глубоко вздохнул. – Я о кофе!

– А-а-а, африканская классика. Лично для меня сорт «Робуста» слишком резок. Предпочитаю гватемальскую «Арабику», только не слишком ароматизированную и среднепрожаренную.

– Послушай, Гера, и как тебя другие люди переносят?

– Куда? – Тонкие губы журналиста тронула еле различимая улыбка.

Помощник медленно покачал головой, сделал поразительно замысловатый жест свободной левой рукой и с громким выдохом плюхнулся обратно на свой стул. Выпили молча, не чокаясь, без комментариев.

– ...Значит, клеймо. Очень мелкое и частично стершееся. Но различить фашистскую свастику было можно. А еще две латинские буквы – «Au» – aurum, золото. И цифры 198, атомный вес. Но за все 60 лет со дня освобождения Заполярья от фашистов ничего подобного не находили. Проконсультировались у специалистов, выяснили, что таким клеймом действительно пользовались в Третьем рейхе. Как ты думаешь, для чего?

– Чтобы клеймить золотые слитки, выплавленные из конфискованных, реквизированных и награбленных драгоценностей. Делалось это в нескольких спецлабораториях, находившихся преимущественно на территории концлагерей.

– Соображаешь. Именно так. Только, разумеется, никаких подобных концлагерей и спецлабораторий на территории нашего Заполярья не было. Тогда в Управлении засучили рукава, съездили даже на родину Симакова, в Чернигов. Но там, как говорится, ни сном ни духом: побывал наш объект под родительским кровом примерно год назад, бурно погулял с недельку и уехал, по его словам, в очередной отпуск к теплому морю. Больше его там не видели и известий не получали. След взяли опять же в Мурманске. Нашли контору, через которую Симаков получил работу на угольных шахтах Шпицбергена.

Помощник Президента успел заметить, как сверкнули глаза журналиста и тут же сошлись на тлеющем кончике сигары. Выдержка, однако.

– Трудно предположить, как бы дальше развивались события, если бы не просто ошеломляющие сведения из криминалистической лаборатории. Туда на анализ отдали найденную пластинку.

Владимир Викторович поднялся со своего места, неторопливо подошел к окну и, слегка отодвинув тяжелую портьеру, попытался что-нибудь разглядеть в царящем там полумраке. Затем неожиданно резко повернулся на 180 градусов и с затаенным подвохом спросил у Талеева:

– Ну-с?

Ответа вслух он не дождался. Поэтому только удовлетворенно хмыкнул на неопределенное пожатие плеч журналиста и наставительно изрек:

– В школе надо было добросовестно учиться, юноша!

Гера огорченно развел руками:

– Я, дяденька, только до серебряной медали дотянул, повыше умишко не позволил поднаться.

– Вот! А был бы золотым медалистом, обратил бы внимание на цифры, которые я только что озвучил. Выбитые на пластинке.

Талеев с искренним недоумением произнес:

– Да помню я. 198. Атомный вес. Ну, или молекулярный.

– Садись, два! Ладно, к этому мы еще вернемся. Мурманчане быстро нашли корабль, на котором он прибыл со Шпицбергена, гостиницу, где остановился на несколько дней, и... все! Ну вот, совсем немного осталось. Давай-ка мы с тобой на посошок примем, – Владимир Викторович разлил коньяк по бокалам, – а ты пока определись с самыми актуальными вопросами.

Они выпили, и Помощник как ни в чем не бывало произнес:

– Атомный вес золота – 197. А 198 – это уже радиоактивный изотоп. Правда, нестойкий.

– Фу-ты, черт, – вырвалось у Талеева, – честное слово, не ожидал! Вы же все с ног на голову поставили. Ха, «определись с вопросами»! Сколько еще таких «крокодилов» у вас в руках?

– Прости, Гера, я не нарочно. Это меня время как-то неудачно подгоняет. Что бы ты спросил, если не учитывать последнего замечания?

Журналист выпрямился, насколько позволяло глубокое кресло, и предельно сосредоточенно перечислил:

– Каким образом дело попало к вам? Что именно вас в нем заинтересовало? Какой багаж был у Симакова на корабле? Проводилось ли расследование на Шпицбергене?.. – Талеев на секунду остановился, давая собеседнику возможность как-то отреагировать на услышанное. Однако реакции не последовало, Помощник молчал. – Пока вы, Владимир Викторович, ответите на эти вопросы, я постараюсь скорректировать дальнейший их перечень в соответствии со вновь открывшимися обстоятельствами.

– Да-да, хорошо, я постараюсь. Итак, багаж Симакова на корабле и в мурманской гостинице состоял из одной спортивной сумки, в меру объемной и нетяжелой. Никаких действий на острове не предпринималось. – Владимир Викторович задумался. – А вот на другие вопросы ответить значительно труднее. По разным причинам. На первый – потому, что мне не хотелось бы посвящать тебя в некоторые... э... нюансы личной жизни особ, приближенных... А на второй – просто потому, что я вряд ли в состоянии аргументированно сформулировать собственные резоны. Какое-то внутреннее чутье, ощущение неопределенной опасности, интуиция, если хочешь...

Для Талеева последние слова помощника Президента уже были лучшим ответом: о поразительной интуиции последнего кто только не судачил в кулуарах власти.

Алексахин продолжил:

– По моему прямому указанию дело изъяли из производства местных органов. Вообще отовсюду. Ну а мне независимые эксперты подготовили отчет по целому кругу вопросов, которые каким-либо образом могли быть связаны с нашей пластинкой.

Владимир Викторович вытащил из ящика стола пухлую папку:

– Вот, ознакомишься на досуге, – он протянул папку Талееву, – здесь страниц триста. Очень познавательно, но слишком наукообразно, хотя и интересно, когда вчитаешься. Нет-нет, – остановил его Помощник, увидев, что Герман открывает папку, – не сейчас. Не будем терять драгоценного времени. Я тебе сам в двух словах расскажу суть. Без этого просто нельзя закончить наш разговор. Что мы имеем? Кусок изотопного радиоактивного золота 60-летней выдержки, имеющий отношение к Третьему рейху. И тут сразу четко определяются две возможные версии. Первая: перед нами «продукт творчества» фашистских алхимиков. Из папки ты узнаешь, что нацисты проводили разработки методик получения золота из других металлов, используя открытия Рентгена и наведенной радиации. В частности, из свинца – неудачно, и из ртути – с переменным успехом...

– Это как «с переменным успехом»? – не выдержал Талеев.

– Ну, как я понял, получался как раз радиоактивный изотоп аурум-198. А у него период полураспада всего около трех дней. Вот и выходило, что уже через пару недель такое золото снова обращалось в ртуть.

– Стоп! 60 лет – это не пара недель. А у нас золотая пластина, а не лужица ртути. Нестыковка.

– До чего ж ты умный, Гера, и сообразительный. А вдруг немцы нашли-таки какой-то неизвестный способ продления «жизни» изотопу и перед нами как раз опытный образец?

– Ну, с натягом можно принять такое объяснение. И попытаться подтвердить или опровергнуть его опытным путем. За столько лет наверняка появились способы.

– И опять ты прав! Можно, сделали. Тебя озадачить? Перед нами пластинка из обычного золота-197, несмотря на клеймо! Вот-вот, у меня тоже надолго рот открылся. Пока они не объяснили, что, распадаясь, радиоактивный изотоп возвращается в исходное состояние, ну или по крайней мере в химически устойчивое. Значит, у нас в руках то, из чего его и пытались произвести.

– Но это же абсурд! Как исходный материал свинец, ртуть – это логично, но золото из золота?!

– Не скажи! Это действительно абсурд, если придерживаться первой версии, которую мы и рассматриваем, то есть получение дешевого искусственного золота. А я говорил вначале о двух версиях. Как видишь, мы быстро с тобой нашли аргументы против первой. Значит, придется остановиться на второй. – Владимир Викторович потянулся за бутылкой с остатками коньяка. – Закуривай, что ли, свою «тютюну». При всей моей нелюбви к куреву, должен признать, что у нее замечательный аромат.

Талеев так и сделал. Потом отхлебнул из бокала и вновь превратился в слух.

– Ты, конечно, знаешь, Гера, что немцы очень близко подошли к созданию атомного оружия. – Журналист покивал. – Ведь именно их ученые и произвели первую настоящую атомную бомбу. На технических площадках Америки, так сказать. Не секрет, что Гитлер к разработкам этого вида оружия относился весьма прохладно. То ли чутье подвело, то ли ему уж очень нравились «ФАУ» и не хотелось «добра от добра искать»; ну а может, и правда наши штирлицы сработали. Неважно. Исследовательские работы в Германии он не прикрыл полностью, но ясно дал понять свою незаинтересованность. Тогда это имело решающее значение. Проект почти свернули. Оставили, правда, небольшой исследовательский центр и несколько лабораторий на периферии. Субсидирование стало мизерным, практических достижений не было. Так, теория, математические расчеты, научное моделирование... Но! – Вытянутый указательный палец Помощника уперся едва не в потолок. – Такая нелюбовь высшего руководства рейха вынуждала ученых не слишком афишировать свои достижения. Кое-какие подтверждения успехов ты найдешь в этих бумагах. Там же по моей просьбе проанализировали возможность получения... э... побочных результатов, какого-то сходного вида оружия. Ну, например, нейтронный бомбы, или того, что сегодня мы называем «грязной» бомбой. Фантастика? Абсолютно нет! И эксперты это подтвердили. Ведь идея создания таких бомб появилась уже в 1950 году. Правда, «грязная» бомба по каким-то договоренностям никем и никогда не только не использовалась, но и не испытывалась. Слишком непредсказуемо ее воздействие.

Ты недоумеваешь, почему я так подробно именно на ней останавливаюсь? Так вот, слушай. Сейчас ее по-другому называют кобальтовой бомбой, потому что основной эффект достигается применением радиоактивного изотопа кобальт-60, но, – указательный палец опять устремился в потолок, – особенно на первоначальном этапе, рассматривалась возможность применения и других элементов. В их числе цинк-65, тантал-182 и – правильно – золото-198!

Владимир Викторович откинулся на спинку стула, повертел в пальцах бокал, но не стал пить, а вопросительно посмотрел на Талеева.

– А чего вы от меня ждете? Я не силен в химии и в физике. Заранее не готовился обсуждать что-либо подобное. А тут – как обухом по голове. Так что, Владимир Викторович, лучше выкладывайте все, а потом уж «будем посмотреть». У вас ведь есть что-то еще?

– Да, совсем немного; так, уточнения, чтобы тебе на чтение бумаг меньше времени тратить. Кобальт идеален, он дешев, его радиационное воздействие достаточно сильно и продолжительно, даже возрастает со временем, потому что период полураспада – 5,26 лет. Цинк нуждается в предварительном обогащении, его период – 244 дня, и вначале он даже более радиоактивен, чем кобальт; а золото... оно, как я говорил, распадается наполовину уже через 64 часа. И, оказывается, очень радиоактивно!

– Так-так, кое-что до меня уже доходит. Меняя исходный материал, можно варьировать степень облучения и его сроки. А это для немцев имело тогда первостепенное значение. Им не нужен был кобальт с его отложенным на годы сроком воздействия, а вот золото – то, что надо. Чик – и...

– Гера, а ты заметил, что сам согласился со второй версией? У тебя не вызвал бурного отрицания факт получения такой бомбы фашистами уже в 40-х годах.

Теперь встал с кресла Талеев и сделал несколько больших шагов по кабинету, разминая ноги и собираясь с мыслями. Потом остановился за спиной Помощника.

– Абсолютно. Вот мое видение ситуации: каким-то образом в руки совершенно постороннего человека – Симакова – попали секретные разработки ученых нацистской Германии. Это готовая «продукция» или документация на ее получение. В первом случае не исключается наличие и кобальта, и цинка, и черт знает чего еще, что он или не нашел, или не привез с собой, или у него это отобрали перед смертью. Во втором... Думаю, он вряд ли разобрался бы самостоятельно в технической документации на иностранном языке и сумел оценить ее значение. Хотя есть еще и третий вариант. Немцы прятали сокровища – ну там, драгоценности, произведения искусств – и вместе с ними то, что нас так заинтересовало. Тогда Симаков думал лишь о сбыте материальных ценностей, а на «сопутствующие товары» не обратил никакого внимания. Вопрос: а как прореагировали покупатели?

– Великолепный вопрос! Особенно учитывая, что ни кто они, ни где, мы не имеем ни малейшего представления.

– Поэтому расследование надо проводить параллельно в двух местах: на Шпицбергене и в Мурманске. Результаты каждого из них безусловно необходимы, но поодиночке недостаточны.

– Фу, Гера, мне уже трудно оперировать такими философско-математическими формулами. Ты просто возьмишь на себя Шпицберген и окрестности, а в Мурманске поработают двое твоих штатных сотрудников.

– А вы, господин Помощник, впервые за столько лет нарушаете свой же принцип абсолютного невмешательства в процесс решения Командой поставленной задачи.

– Ох, Талеев! Еще бы сформулировать эту задачу! Ведь может оказаться, что дело выведенного яйца не стоит. Потому первый конкретизирую. Считаю, что я просто предлагаю тебе отпуск-командировку на живописные острова с целью создания видового фильма о тамошних красотах. По-моему, отличный предлог для местных властей.

Журналист кивнул и категорически заявил:

– Я буду настаивать, чтобы в Мурманске работали...

– Знаю-знаю, – перебил Владимир Викторович, – конечно, Анатолий и Вадим. Угадал? Талеев только развел руками.

– А еще с тобой на Шпицберген поедет оператор. Для пущего правдоподобия, для помощи какой, подать-принести, для связи, если потребуется. Ну и вообще, «фильму сымать»!

– Владимир Викторович, у меня нет настолько хорошо знакомых операторов.

– Но ведь при определенной подготовке можно сделать из знакомого – оператора?

– Та-а-к, давайте уже до конца, что-то сердце мне подсказывает...

– Просто одному из твоих штатников предложили пройти ускоренные курсы операторского искусства. Пока ты на Давосских курортах со всякими Сноу, Симами и Верами отрывался.

– Ага! Теперь я подозреваю, что это даже не сотрудник, а сотрудница.

– Ну, разве скроешь что-нибудь от такого прозорливого «шефа»? Действительно, это Галина Алексеева.

– Гюльчатай... Мы с ней не виделись со времени операции в Иране. Все недосуг. Работа, знаете ли.

– Ну вот и еще разок поработаете. И мне будет значительно спокойней, если будет она, чем какой-то супермен-спецназовец со стороны.

– Да она фору даст любому спецназовцу! – хмыкнул журналист.

Галя появилась в Команде, имея за плечами юридический факультет МГУ и Высшую школу КГБ. И сразу стала всеобщей любимицей. Глядя на эту высокую черноволосую и черноглазую девушку с неподражаемой грацией горной серны, никому и в голову не могло прийти, что когда-то ее подобрал отряд советских войск в горах у города Герат вблизи афгано-иранской

границы. Маленькая девочка умирала от жажды, истощения и пулевой раны в бок. Никто не знал, как она там оказалась. В бреду малышка лепетала какое-то слово, похожее на «гю-иль». Так и стала Гюльчатой. А по паспорту Галина Алексеева, по фамилии командира спасшего ее отряда. Потом был привилегированный детдом в Москве, где девочка продолжала оставаться дочерью полка: всегда завалена игрушками и подарками; все праздники, выходные, каникулы проводила в семьях своих «однополчан». С таким «послужным списком» попадание в Команду выглядело логичным и естественным.

– Вот и отлично! К тому же у нее явные способности к языкам: всего пара недель прошла, а уже бегло по-норвежски шпрехает. Пригодится. Непокойно мне что-то, Гера. Если наши предположения подтвердятся хотя бы наполовину, это дело станет чрезвычайно опасным. Но задействовать официальные структуры мы, естественно, не можем. Чужая все-таки страна, да и обычные методы вряд ли подойдут. В общем, все, как обычно, да?

Они практически одновременно поднялись со своих мест. Помощник уточнил:

– Со связью проблем не будет. Все необходимое у Алексеевой есть, а до Шпицбергена – рукой подать, наши предки туда на утлых баркасиках прогуливались еще в далеком «мамонтовом» прошлом. Любые действия – на твое усмотрение. Контакты с нашими негласными представителями только в экстренных случаях по «красному коду». Ну, да ученого учить... Удачи тебе, Гера!

ГЛАВА 3

«Телевизионщиков» из самой Москвы на Шпицбергене встретили с королевскими почестями. Разместили их даже не в лучших номерах недавно построенной гостиницы, а в специальном коттедже для самых почетных и высокопоставленных гостей. Выделили постоянный транспорт с шофером – этакий джип-монстр, способный если не карабкаться по обледенелым кручам, то перепрыгивать, и мощный снегоход для езды по ледникам. И долго-долго извинялись, что два вертолета сейчас в ремонте, поэтому не смогут нести круглосуточное дежурство с включенными двигателями под их окнами; но достаточно сделать один телефонный звонок – и винтокрылая птица будет в их полном распоряжении уже через 10 минут!

В общем, Талеев тихо бесился. В глубине души он чувствовал собственную вину: поддался на уговоры черноокой Гюльчатай и согласился в «целях конспирации», чтобы совсем уж сбить с толку возможного врага, перераспределить (хотя бы чисто внешне!) маскирующие роли в их маленькой боевой группе. Так появились в Баренцбурге высокая, статная, до ужаса деловая журналистка со строгими глазами за тонированными стеклами моднейших очков, с манерами светской львицы и не допускающим никаких возражений апломбом и безропотно-молчаливый оператор, весь увешанный кинофотопричиндалами, сумками, треногами, абсолютно потерявшийся в ослепительном блеске магнетической ауры своей эффектной начальницы.

Свой тактический просчет Гера понял очень быстро, уже в момент первого контакта с представителями высших российских островных властей, которые, кроме несмелого кивания, не смогли вставить ни одного слова в безапелляционный монолог «теледивы». Потом, и вовсе зачарованные ее ураганным напором, непередаваемым шармом и великосветской обходительностью, были готовы не только выполнить любое желание красавицы-журналистки, но и сами наперебой предлагали просто фантастические услуги. Именно так появились джип, снегоход, фирменный коттедж и...

Кто его знает, что могло еще родиться в их разгоряченных головах, если бы Гюльчатай сама не сбавила обороты. Ее внимание было попросту весьма своевременно переключено на длинный и острый рычаг треноги, неожиданно вырвавшейся из корявых лап неуклюжего помощника-оператора и вонзившейся под столом в одну из болезненных точек ее великолепной ноги. Ах, что за растяпа! Ничего-ничего, не стоит беспокоиться. И бригаду врачей-реаниматоров вызывать не надо. Только отдых. Медитация и расслабляющий сон при бесконечной тишине в радиусе десяти километров.

Спасибо. Еще раз спасибо! Да СПАСИБО уже, черт...

Безоговорочно следуя короткому и сухому приказу Талеева, «телевизионщики» почти безропотно разошлись по отведенным каждому покоям, без права покидать оные в ближайшие шесть часов под страхом мучительной смерти. И никого у себя не принимать! Потом разбежались.

А чего тут разбираться, менять имидж было уже поздно. Ну, взбалмошная девчонка!

Кто же мог ожидать такого сногшибательного эффекта? Что они так мгновенно все на нее запали? Обычная девушка, экстремалка по характеру, с отличными способностями к языкам, подготовкой в стрельбе и рукопашном бое. Так ведь они-то ничего этого еще не прознали, а уже штабелями по обе стороны складываются. Вот что значит великая сила искусства перевоплощения!

Все равно с Гюльчатай придется серьезно поговорить, пусть добавит строгости и деловитости. И не мельтешит перед глазами, а то действительно как-то... отвлекает. Будем больше времени проводить на свежем воздухе.

Настроение у Талеева было отвратное. Конечно, интуиции помощника Президента он безусловно доверял, но суть порученного лично ему дела от этого никак не менялась: пойд

туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. А журналист принадлежал к тому типу людей, для которых в любом деле необходимо было ощущать... ну... стержень, что ли. Знать фишку, видеть расклад. Сейчас ничего этого не было. И даже наоборот: на каждый немногочисленный имеющийся факт тут же находилось свое «но», и вот тебе уже сам факт – не факт, а сплошное противоречие.

Почему убили Симакова? Этого не должно было быть. Убийство становилось оправданным только в единственном случае, когда от жертвы получили все, что нужно. Значит, это «все» находилось у Симакова с собой или было спрятано где-то поблизости: в гостиничном номере, камере хранения на железнодорожном вокзале или в аэропорту. Значит, «все» он привез с собой в одной тощей спортивной сумке? Зачем тогда изощренные пытки? Он бы сам все выложил после хорошего мордобоя. Значит, логично предположить, что основную часть найденного им на Шпицбергене он в путь не взял, а вез лишь «образцы на пробу».

Короче, от Симакова требовали подробностей. Тогда пытки оправданны. Он, конечно, ничего не утаил. Работали над ним профессионально. Но таких «рассказчиков» никогда не убивают до обнаружения того, что ищут. Его должны были доставить сюда, чтобы он показал спрятанное. А его убили под Мурманском. Нонсенс.

Что ж, если повезет, ответ на этот вопрос дадут Толя с Вадимом, а он отправится в турне по предполагаемым местам боевой славы Симакова на Шпицбергене. Волка ноги кормят. А Галинку зашлем казачком в лагерь дружественных норвежцев за кое-какими сведениями. Кстати, любопытно будет попутно прояснить один чисто психологический вопрос: чем конкретно Гюльчатой воздействует на многочисленных островных представителей сильного пола. Ведь там ей придется общаться не только что выученном языке с минимальным запасом слов, а значит, будет практически исключена возможность «вербального охмурения».

К вечеру следующего дня Талеев едва смог добраться до своих шикарных апартаментов и, не раздеваясь, рухнуть на диван. Черт бы побрал этого Колю-шофера! Еще один экстремал на голову. Их джип рычал и трясся от негодования, когда этот неудавшийся автогонщик недрогнувшей рукой посылал его штурмовать неприступные твердыни. Поскольку сам Гера был плотно упакован широкими и толстыми ремнями безопасности, все «инерционные колебания» стоически приняли на себя его внутренности, но, похоже, плоховато справлялись с такими перегрузками. Желудок мотался из стороны в сторону наподобие неповоротливого языка главного церковного колокола во время благовеста. Печень постоянно екала и подпрыгивала, норовя то ли спрятаться за позвоночный столб, то ли раздавить к чертовой матери проснувшийся аппендикс. Что-то непонятное резкой болью переламывало поясницу – наверно, это были оторвавшиеся почки. Диафрагма выгибалась вверх так, что сплюснутые легкие, расплазаясь по скрипящим ребрам, открывали ей дорогу прямо к гландам, которые так и норовили выпихнуть наружу ставший неповоротливым и шершавым непослушный язык. А Гера... Гера делал все, что мог. То есть двумя руками придерживал собственные челюсти, ежесекундно чуть не откусывавшие главнейший орган человеческой речи.

А потом они пересели на снегоход... И вот тут Талеев сразу понял, как хорошо было ему в джипе. То, что для Коли не существовало дорог, было вполне объяснимо и даже распространено среди большинства островных водителей. Но, как поется в старой популярной песне, «нам нет преград ни в море, ни на суше» – вот это как раз про Николая. Убедившись в правоте старой песни о преградах на суше, журналист наотрез отказался от Колиного предложения обозреть изумительной красоты береговые ледяные торосы непосредственно со стороны океана, пересев для этого на небольшой скоростной катер береговой охраны.

– Ни за что, подавиться мне фотопленкой! Не надо видов и ракурсов, к черту наезды и наплывы! Да лучше бы я все смонтировал, не выходя из уютной московской квартиры. Хорошо, девушку с собой не взяли, ей ведь еще рожать в жизни придется. Да-да, от самых естественных,

так сказать, причин, а не от сумасшедших подпрыгиваний внутри этой твоей бетономешалки! – это все вслух.

А молча, в душе, более самокритично: «Тоже мне выискался любитель планомерных тактических мероприятий! Рекогносцировку решил произвести. Присмотреться к будущему театру действий, прочувствовать обстановку. Может, даже обнаружить что-то... Ха! Отсутствие мозгов ты обнаружил, Талеев! Полное непонимание менталитета и крайнюю невезучесть на спокойное интеллигентное знакомство с адекватными и тихими аборигенами».

Получилась разведка боем наоборот. То есть бой, безусловно, был – со стихией в лице шофера Николая и причудливыми вывертами геологических аномалий, а разведка – шиш! Господи, как же все тело болит! И голова – словно изнутри долбит кто-то прямо по мозгам кувалдой. Да еще и кричит зачем-то женским голосом. Хотя это, кажется, снаружи. Не открою! Нету меня! Я умер!

Как же, оставит эта в покое! Ей любой хладный труп реанимировать своим голоском – раз плюнуть. Талеев дотащился до двери, скрипя всеми суставами и едва не повизгивая от боли в напрягшихся до состояния перетянутых рояльных струн мышцах. Открыл замок и отступил в сторону. В номер, как ураган, влетела Гюльчатай. Чуть окинув взглядом общую панораму гостиной, она тут же проинспектировала спальню, душевую и туалет. Потом распахнула створки гардероба и, уже не спеша, повесила на «плечики» легкую верхнюю кофточку. Сам хозяин номера удостоился ее взгляда только в четвертую или пятую очередь.

– Ну, как прокатился, командир? Какое-то лицо у тебя помятое.

– Ты наглая и самоуверенная девчонка! Пользуешься моим хорошим отношением и позволяешь себе черт знает что! – Талеев выглядел всерьез взбешенным. – Что тебе понадобилось в моей ванной?

Галя слегка покраснела, но не затруднилась с ответом:

– Как я могу не волноваться, если командир уже полчаса не реагирует ни на мой голос, ни на стук в дверь? Может, тебя уже террористы захватили!

– Т-а-а-к... Значит, дикие вопли из коридора ты называешь просто голосом, а стуком – высаживание дверей из петель? Ну, тогда, конечно, стремительный облет моего номера со скоростью сверхзвукового истребителя можно назвать «просто осмотрелась». Нашла что-нибудь?

Девушка смущенно промолчала.

– Пока я заметил на всем Острове только одного террориста – это ты! – Талеев, не торопясь, вернулся к дивану и аккуратно присел на мягкие вышитые подушечки.

– Да я же действительно забеспокоилась, Гера. Внизу сказали, что ты в номере, а тут тишина такая... пугающая...

– Ой, только не прикидывайся овечкой! Ладно, садись в кресло и спокойно докладывай, что тебе удалось узнать.

– Знаешь, Гера, эти норвежцы такие замечательные, вежливые люди...

Журналист тут же перебил:

– Понятно, и этих уже охмурила. Как тебе такое удастся? А главное, где научилась? Что-то я раньше ничего подобного за тобой не наблюдал.

– А ты вообще мало за мной наблюдаешь. До тебя еще не доходит, что я – молодая привлекательная женщина!

– Ну, почему же... ты очень симпатичная девушка, и мне... приятно с тобой... работать...

– Ладно, командир, давай об этом как-нибудь в другой раз, а то ты сейчас мне таких «комплиментов» наговоришь, только расстраиваться. Наверно, тебе макушку растрясло... Все-все, молчу и докладываю. Значит, наши замечательные норвежцы...

– Гюльчатай!!

– Ну почему все мужчины – такие дремучие собственники? Домострой какой-то! Постоянная дискриминация по половому признаку...

– Уволю! Если через секунду не буду знать все подробности.

Тут девушка демонстративно затараторила:

– Я еще по дороге заготовила сразу несколько вариантов историй, чтобы выудить нужные нам сведения. Однако ничего и не потребовалось: их муниципальные шишки наперебой старались выложить мне всю подноготную исследований Острова, начиная с доисторических времен, и были явно огорчены тем, что меня интересовали только последние полгода. Зато тут уж они расстарались: подняли все учетно-регистрационные книги, дубликаты выданных разрешений и официальных запросов. Компьютерная канцелярия у них отлично поставлена. А вот сама организация проведения любых исследовательских работ не то что недостаточно строга, а вообще отсутствует. Говоря официальным языком, носит «уведомительный характер». Это относится ко всем странам, проводящим здесь подобные изыскания, и к любым направлениям исследований, будь то геофизика, спелеология, гляциология, синоптика... Даже необязателен визуальный контакт: все можно решить через электронную почту или факс.

– Господи, как же эти западные демократические свободы усложняют нам жизнь! Что конкретно ты узнала?

Галя вытащила из кармана отпечатанный на принтере лист бумаги и протянула его Талееву:

– В интересующий нас период времени на Шпицбергене официально работали пять экспедиций. Я подчеркиваю слово «официально» так же, как это сделали для меня любезные хозяева Острова, пояснив, что некоторые малочисленные группы из двух-трех-четырех человек и большинство туристов-одиночек не считают нужным даже уведомлять власти о своих действиях. Итак, пять. Из них одна российская, две – от Королевского географического общества Великобритании, американская и канадская.

– Фу-у-у, нам же с ними и за месяц не разобраться. Здесь нужен кардинально другой метод.

Журналист медленно встал, подошел к стоящему в углу небольшому холодильнику-бару и, широко распахнув дверцу, заглянул внутрь.

– Особым разнообразием спиртного нас не балуют. Все больше водочка. Славные русские традиции. Да и количество не ахти...

Галя подошла к Талееву и с любопытством заглянула ему через плечо:

– Однако, командир! Если вот это изобилие ты считаешь не ахти, то мне уже сейчас становится больно за твою печень.

– Говорю же: мало и непреставительно! Можно, конечно, заказать через администрацию... – Гера поколебался. – Но пойдут разговоры, инсинуации всякие... Лучше самому купить.

Девушка фыркнула:

– При той... э... популярности, которой мы здесь пользуемся...

– Не «мы», а исключительно ты! Мой личный визит в отдаленно расположенный магазин свободной торговли, тем более обставленный максимально незаметно, если и вызовет какие-то кривотолки, то на совершенно ином уровне. Я это как-нибудь переживу.

– Ну, хорошо. И каковы будут дальнейшие действия?

– Пойду в гости!

– В гости? Мы же никуда не собирались.

– Видно, тебе хорошо поехали по ушам эти ловеласы-аборигены своими сомнительными комплиментами, если даже слух притупился! Я сказал «пойду в гости», подразумевая индивидуальный визит. А ты займешься отработкой своего списка, – Талеев протянул Гале бумажку.

- Понятно, инициатива всегда наказуема исполнением, – вздохнула девушка.
- Просто у тебя открылся замечательный талант по установлению продуктивных контактов с организациями на высоком официальном уровне.
- А сам намерен инициировать какую-то масштабную оргию!
- Ну, почему сразу «оргию»?
- Потому что запланированное тобой количество спиртного ни к чему другому привести не может.
- Это ты по личному опыту знаешь, да?
- Гера... – девушка укоризненно посмотрела на Талеева, и было видно, что ей вовсе не до шуток.
- Галчонок, я же шучу! Как раз твое отсутствие должно сыграть некую положительную роль в легенде внедрения и установлении максимально доверительного контакта.
- Теперь я точно ничего не понимаю.
- Талеев откинулся на спинку дивана, слегка поморщился от боли в натруженных мышцах и серьезно объяснил:
 - Дело здесь в мужской психологии, потому что я собираюсь пойти в общежитие наших шахтеров. Уж поверь моему личному опыту, на самый душевный прием там может рассчитывать именно мужчина, которому на время удалось слиться от строгого всевидящего женского ока – неважно, жена это или начальница, – чтобы излить душу в компании единомышленников. А если, кроме обид на вопиющую женскую эмансипированность и плачевную мужскую долю, он принесет с собой достаточное количество универсального катализатора всех объединяющих процессов, – тут Гера ловко изобразил двумя пальцами, о чем именно идет речь, – единомышленниками сразу становятся все присутствующие. Так что, дорогая моя начальница, приготовьтесь к тому, что ваши нежные ушки будут просто полыхать весь сегодняшний вечер. Но ты не обижайся и не расстраивайся: подобная участь ожидает всех женщин планеты! Обещаю. А если удастся организовать, как ты определила, масштабную оргию, боюсь, не поздоровится и инопланетянкам.
 - А эти-то при чем! – вздыбила брови Гюльчатай.
 - А при том! Потому что все зло от них! По весьма распространенной в сильно нетрезвых кругах теории женщина на Земле – это инородное тело, внедренное какими-то мерзкими космическими тварями исключительно с целью самим от них, то есть от женщин, избавиться. Правда, крайние пессимисты доказывают, что они и так уже весь космос захватили, а нам, аборигенам мужского рода, остается только покориться; но подобные проявления пораженчества, по мере роста общего градуса участников симпозиума, зачастую подавляются самыми радикальными способами.
 - Гера, ты меня удивляешь. Неужели кто-нибудь из мужчин всерьез так думает?
 - Думает – подавляющее большинство. Высказывается – примерно процентов 70, в основном после применения соответствующих стимуляторов и обязательного отсутствия рядом женских особей. А вот на активные действия в постпохмельный период отваживаются лишь восемнадцать десятитысячных процента.
 - Береги себя, родной!
 - Спасибо за поддержку, инопланетянка. Сегодня у меня другая задача: провоцировать, слушать, отфильтровывать, увязывать, запоминать. А с какой экспедиции ты думаешь начать?
 - Галя еще раз внимательно просмотрела список.
 - Мне сказали, что из этих пяти сейчас активно работают только две: российская и канадская. Причем только российская в нашей зоне. Так что с нее и думаю начать. Кстати, командир, я... – девушка запнулась, – то есть мы приглашены на какое-то сногшибательное театрализованное шоу. Что-то лазерное, фантасмагоричное, с максимальным использованием природного ледяного колорита. Организуют местные норвежские власти, но приглашены все извест-

ные островные персоны, невзирая на национальности. А свадебным генералом будет выступать группа «U-2»!

Девушка замолчала, ожидая реакции собеседника.

– И чего ты ждешь от меня? Что я недоуменно разведу руками и переспрошу: «А что это за «юту»? Или, наоборот, запрыгаю на одной ножке с радостными воплями: «Ура! Это фантастика! Наконец-то! Те самые «U-2»! Не может быть!» А у тебя глазки так и сверкают: сейчас просвещу этого отстойного зануду! А вот и не дам тебе такой возможности. Мы с «U-2» практически ровесники. Ведь эта ирландская рок-группа из города Дублина основана в 1976 году. Состав – четыре человека: Боно, Клейтон, Маллен, который фактически и собрал группу, но роль лидера сразу же захватил харизматичный Боно, солист; и... вот четвертого по имени сейчас не помню. Да, эта группа в одном ряду с Битлами и Роллингами. Популярность у нее и сейчас дай бог каждому. Что-то не верится, что такие небожители явятся с концертом в эту... пятку мира. Дурят тебя, Галка!

Погрустневшая Гюльчатая серьезно заметила:

– Эдж. Четвертый – Эдж. Но организаторы и не настаивают, что здесь объявится весь звездный состав. Будет, наверно, кто-то из четверки, а с ним группа молодых музыкантов. – Но тут девушка вновь воодушевилась. – Все равно музыка ожидается великолепная! Потому что присутствие «U-2» уже многократно прорекламировано. А постановщиком шоу выступает какая-то британская мегазвезда типа Копперфильда. Такого события Шпицберген не переживал еще за всю свою историю. Несколько месяцев готовились. Целый круизный лайнер, полный туристов, прибудет, и многотонное техническое оборудование для спецэффектов на нем же привезут.

– И ты у нас, конечно, уже в числе самых почетных и ожидаемых гостей!

Гюльчатая скромно потупила глаза:

– Очень удобные места предложили...

– И этих охмурила! – со вздохом констатировал журналист. – Эх, жаль, что здесь не Иран и нет возможности тебя в паранджу запаковать!

– Думаешь, помогло бы? – с притворной скромностью поинтересовалась девушка.

– Вряд ли.

– Ты только намекни, Герочка, я сама тебе любое шоу организую. И спую. Прямо в номере!

– Если не прекратишь издеваться, отстраню от операции... вот!

На этот раз Галя промолчала, но ее серьезный молниеносный взгляд из-под густых черных ресниц ясно показал, что в любой шутке есть только доля шутки. Талеев взгляда не заметил.

Они еще обговорили каналы и время возможной связи, после чего девушка ушла в свой номер, чтобы немного отдохнуть и продумать план действий, а журналист, прикрыв глаза, вытянулся на диване.

Опыту и знанию мужской психологии Талеева можно было только позавидовать. Вежливо-настороженное отношение к неожиданно появившемуся в коридоре общаги московскому «крутому телевизионщику» продержалось секунд десять или двенадцать. Ровно столько времени журналисту потребовалось, чтобы прямодушно изложить первому встречному, как ему удалось улизнуть из-под бдительного присмотра «железной начальницы», бабы непьющей, некурящей, презирующей всех мужиков на свете, и дважды ненароком призывно звякнуть содержимым вместительного портфеля в руке и спортивной сумки, перекинутой через плечо.

Еще через тридцать секунд Гера уже сидел в слегка продавленном кресле ближайшей комнаты с граненым стаканом в руке, до краев наполненным целительной жидкостью янтарного цвета из его же собственных запасов. Щедрая рука неизвестного сострадалыца продолжала бесперебойно наполнять аналогичную тару всем, возникающим на пороге с частотой одной

плотки в секунду, пока небольшое помещение не оказалось забитым под завязку. Выпили вразнобой, не чокаясь, и тут же повторили. Потом вспомнили о закуске, и уже к четвертому тосту небольшой письменный стол ломился от обилия свертков, пакетов, баночек, кульков и просто так набросанной гастрономии.

Знакомиться начали в перерыве между пятой и шестой. К этому времени количество присутствующих стабилизировалось, перестала постоянно хлопать входная дверь, а главный гость и благодетель уже не привлекал всеобщего постоянного внимания. Появилась возможность даже прогуляться по крохотному коридорчику в микроскопический туалет и на миниатюрную кухню. Сумбурная общая беседа разбилась на несколько содержательных диалогов.

Поучаствовав – абсолютно бесплодно, с точки зрения самого Талеева, – в некоторых из них, журналист оказался в обществе крупного бородатого шахтера с заковыристым именем Арнольд и неподдающимся визуальному определению возрастом.

– ...Да брось ты ее на фиг! Она ж тебя съест. Все соки высосет. То сделай, это подай, туда сходи... Я свою так... швырнул, то есть бросил, что пришлось сюда от греха сбежать. Зато – свободный человек! Для мужика свобода – это все. Даже за решеткой свобода, но только не с бабой вдвоем!

– Так то – жена, – резонно вставил Гера, – а у меня начальница! Как ее бросишь?

– А куда ты смотрел, когда позволил бабе твоей начальницей стать?! – загрохотал бородач.

– Да, она умная, образованная, четыре языка знает...

– У всех баб язык один – змеиный! А ума нет совсем, одни эти... как их... э-мо-ци-и. А ты знаешь, что такое эмоции? Это то, что ее левая нога захочет. Или где зачесется.

Талеев перестал прислушиваться к разговору, посчитав обсуждаемую тему хоть и чрезвычайно занимательной, но весьма далекой от интересующего его круга вопросов. Он даже осмотрелся, выбирая нового кандидата на роль откровенного собеседника, когда краем уха уловил в словах Арнольда знакомые словосочетания:

– ...Форменные инопланетяне!

Поняв, что пропустил какой-то поворотный момент на пути скачкообразного движения мыслей бородача, Гера заинтересованно переспросил:

– Какие такие инопланетяне?

– Во! – радостно завопил Арнольд. – Я ему то же самое сказал – мол, Васян, пить надо качественный продукт. Такой вот, – он потряс пустым стаканом, потом задумался, – не-а, на такой денег не хватит. Но все равно от стеклоочистителей и тормозных жидкостей та-а-кие глюки приходят... Мама дорогая, им «белочка» в подметки не годится! Ладно бы чертенята зеленые или просто...

Та-а-к, с этой близкой и родной темы бородача надо было срочно заворачивать обратно. Гера громко хлопнул ладонью по столу и в Арнольдовом ритме завопил:

– Ну, и куда они делись, инопланетяне, а?!

Шахтер молча и серьезно посмотрел на собеседника, потом пожал широкими плечами и удивленно изрек:

– А черт их знает.

– Так тебе про них Васян рассказывал?

– Ну. Он вообще-то мало с кем разговаривал, а меня к нему на несколько дней в комнату поселили. В общаге ремонт затеяли, так всех и поуплотняли. Васян тогда один жил, его сосед на материк уехал, койка пустовала. Ну, я, как положено, к новоселью подготовился, пару литров приобрел, а его все нет и нет. Когда появился, уже ночь была, да и я целую литруху не торопясь один уговорил. Помню, он весь оковеневший был. Нам бы точно оставшегося пузыря не хватило... для полного взаимопонимания и Васяниного обогрева. Хорошо, у него заначка отыскалась. Так ведь опять же этот стеклоочиститель! Но уж, когда выхода нет, можно и его

принять. Только немного! – Талеев не перебивал говоруна; он почувствовал, что наконец зацепился за нужный кончик. Пусть себе неспешно разматывается. – По паре стаканов, и закусить! А Васян, как «стекляшку» выпил, так и начал мне про этих инопланетян трюндеть.

Такой длинный монолог окончательно иссушил нутро бородача, и он стал озираться в поисках бутылки. Герман тут же вставил в его растопыренную пятерню чуть початую бутылку виски. Жажда оказалась так сильна, что шахтер присосался прямо к горлышку, и лишь когда емкость опустела почти наполовину, блаженно икнув, вылил остатки в свой стакан.

– Васян всегда был себе на уме. И хотя давно уже тут работал, ни с кем близко не сходился. Пока новичок не объявился. Это, наверно, с полгода назад. Что они друг в друге нашли? А новенький-то тот еще жук оказался! Быстренько огляделся, разобрался, где работенка не особо пыльная, потом в отдел кадров кучу каких-то дипломов и справок представил – и, пожалуйста тебе, не кайлом в забое махать, а сразу на должность бригадира-учетчика. А ведь в горном деле ни уха ни рыла!

– А где ж он теперь, такой шустрый? – поинтересовался Талеев более чем спокойным тоном. – Небось уже замдиректора стал, а?

– Так, может, и стал бы, да я ж говорю тебе: уехал по каким-то своим делам на материк и сгинул.

– Как это «сгинул»?

– Да как все! Трудно с Севером по-настоящему подружиться. Вот и не возвращаются из отпусков. Пришлют потом бумажку по почте: «Прошу уволить... рассчитать... деньги перевести...»

– И этот так же, да? Как его... ну...

– Симочка.

– Какая «Симочка»?

– Кликуха у него такая была. Очень он на нее обижался. А чего такого, если у тебя фамилия Симаков?

Ну, наконец-то! Декалитры импортного виски пролились на благодатную почву, раз появились-таки долгожданные всходы. Теперь тема инопланетян приобретала вполне конкретный смысл. Копать надо дальше в этом направлении.

– И Васян о нем ничего не знает? Разве такое может быть? Корешились все-таки.

– Да никто с ним особо не корешился. Жили они с Васяном в одной комнате, вот и притерлись друг к другу. Симочке вообще никто не нужен был, он на Островах человек случайный. Здесь ведь большинство из-за денег роет. Ну, и такие есть, кого на материке «припекло». Так вот, Симочка – из таких. У меня глаз наметанный!

Журналист плеснул себе в стакан несколько капель, не обойдя вниманием и тары собеседника.

– А Васян без него вовсе смурной стал; бывало, за весь вечер слова не скажет. Хотя он редко по вечерам в общежитии оставался, все его на природу тянуло. Ха! Это с нашей-то погодой! Меня даже как-то раз вытащил.

– Что, на пришельцев поглазеть?

– А вот ты, москвич, не смейся! Он, знаешь, как интересно рассказывал?

– Ну-ну, видал я таких рассказчиков! Даже фильм о них в Сибири снимал. Будто их на летающую тарелку силой или обманом затащили, а потом всякие эксперименты проводили или даже куда-то с собой возили, на ихнюю альфу Центавра. Уж так интересно рассказывали!

– Я за Сибирь ничего не знаю, и Васян совсем о другом говорил. Будто этим пришельцам на людей ровным счетом наплевать, если мы не станем в их дела вмешиваться и на глаза им попадаться. Только больно уж странные у них тут дела. – Бородач даже оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что их разговор никого в комнате не заинтересовал. Потом продолжил, изо всех сил приглушив голос: – Они у нас снег воруют!

– Чего-о-о-о?!

Шахтер и вовсе зашипел:

– Тише ты! Снег, говорю, тут добывают. И к себе увозят. Тайком! Даже не снег, а целые глыбы льда. Васян говорил, что, видно, у них на планете все повыхало, как в пустыне, вот они к нам и повадились.

Час от часу не легче!

– Да вы на пару с Васяном «тормозухи» насосались, или, как ее, «стекляшки»! – Шахтер отрицательно замотал головой. – Точно, точно! Вот ведь мы с тобой сейчас хорошо уже на грудь приняли, – шахтер кивнул согласительно, – и никаких пришельцев. Потому что приличную вещь употребляем.

Бородач озадаченно уставился на Талеева. Потом в его глазах мелькнуло какое-то подобие рациональной мысли:

– Но я же сам видел! Когда меня Васян с собой взял.

– Зеленых человечков? Или каких-нибудь монстров из мультфильмов?

– Да нет же! Мы по прибрежному леднику на снегоходе проехали, а потом в пещеры залезли. Я сказал, что не пойду дальше, потому что холодно и темно, провалиться можно куда-нибудь. И вообще слишком тесно для моих габаритов. – Арнольд слегка повел широченными плечами. – Я там всю одежду изорвал и ободрался. А Васян сказал, что тут недалеко и у него с собой фонарь есть. Мы чуть вдоль прохода проползли и увидели... Там прямо из стен – и сверху, и снизу – целые ледяные пласты вырезаны!

– Подумаешь! В ледниках постоянно какие-то подвижки происходят, вот и отвалились.

– Ты че, москвич, глухой? Я же сказал: вырезаны! Я – шахтер! Двадцать лет на-гора выдаю уголек. Сам, вот этими руками тонны его покрошил! Так уж знаю, наверно, как разрез выглядит. – Бородач не на шутку раскипятился.

– Ладно-ладно, верю я. Ты же и правда классный специалист. – Теперь еще и детину этого успокаивать надо. – Давай лучше за таких настоящих мужиков, как ты, выпьем!

Неожиданно возникшая неловкость была мгновенно потушена изрядной порцией спиртного. Они даже примирительно расцеловались, а Талеев клятвенно пообещал, что завтра же свою кобру-начальницу хоть силой в настоящую шахту затащит, и они будут снимать фильм про Арнольда. А надо будет еще сходить в те пещеры, где лед вырезан. Такие снимки могут заинтересовать Академию наук.

– Не-е-е, братан, туда лучше не соваться. Ну их в задницу, этих пришельцев! Хрен знает чего они натворить могут, если поймут, что их раз...раз-об-ла-чили! Че нам, снега жалко? Васян так и говорил: не дай бог им на глаза попас-с-я!

Язык Гериного собеседника начал заметно заплетаться, а глаза уже наполовину прикрылись тяжелыми веками. Надо было поторопиться.

– А ты кому-нибудь рассказывал о пришельцах?

– Ха! Я че, враг себе, да? За такие рассказы у нас в два счета на материк отправят и в «дурку» сдадут. У меня вот друг был...

Но Талеев не дал сбить себя с темы:

– Арнольд! А как же они лед этот к себе перевозили? На «тарелочках»?

– Ну, ты даешь, Москва! «Пе-ре-во-зи-ли»! – У шахтера еще хватило сил передразнить собеседника! – Васян сказал, что они его... как это... им-пор-ти-ру-ют, во!

– Может, телепортируют?

– Так я и сказал!

Все. От шахтера вряд ли что еще можно было узнать. Оставался последний простенький вопрос.

– А ты и сейчас вместе с Васяном живешь или переехал?

Реакция бородача оказалась неожиданной. Он почти моментально протрезвел, пристально оглядел Талеева округлившимися глазами, словно подозревая подвох, и переспросил:

– Как это «с Васяном»? В морге, что ли? Он теперь там по большей части обитается. Ха-ха! Не! Не по большей, а по меньшей части, во! Большую его часть Хозяин сожрал, ха-ха-ха! – Неожиданный пьяный смех так же молниеносно сменился крупными, не менее пьяными слезами: – Вася-я-я-на, кореша, больше не-е-т-у-у!

– Хозяин – это белый медведь? – Журналист уже сам все понял и спросил скорее по инерции.

– Ага, Умка.

– Послушай, Арнольд, – Гера все-таки решил воспользоваться кратковременным прояснением в мозгах собеседника, – а не могли его... ну... того... инопланетяне, а?

Шахтер сильно замотал низко опущенной головой, отчего слезы с бороды разлетелись чуть не по всей комнате, и глухо, но почти трезво пробормотал:

– Я ведь сам сразу так и подумал. Только никому не сказал, конечно. А потом менты меня на опознание водили. Я точно говорю: так только белый медведь мог зубами и когтями располосовать! А еще они меня возили на то место, где тело нашли. Там совсем рядом у этих, сук медвежьих, что-то вроде детского сада. Туда все Умки приходят детенышей рожать, а потом еще какое-то время кормят их, ухаживают. И не только за своими, за всеми приглядывают. У нас про то место каждый знает, туда даже с ружьем близко лучше не подходить, если жизнь дорога. А вот Васяна как-то занесло. Э-э-эх! Давай, что ли, выпьем за упокой его души.

Конечно, они достойно помянули погибшего такой страшной смертью. После чего уже секунд через сорок бородач громко захрапел, опустив лохматую голову на мощную грудь. Талеев не стал его больше тревожить. Здесь все было ясно. Следующие фактики надо поискать в другом месте. Побеседовать с проводившими расследование несчастного случая, выслушать Галинин отчет об экспедиции и связаться с ребятами в Мурманске: может, у них какие-то новые зацепки появились.

ГЛАВА 4

Только с известной натяжкой можно было считать Анатолия и Вадима подчиненными Талеева. Каждый из штатных сотрудников Команды пользовался максимальной самостоятельностью, а их объединение в боевые группы производилось исключительно в интересах успешного решения тех или иных задач. Но так уж получилось, что несколько последних дел – операция в Иране, доставка уранового стержня в Обнинск – сводили вместе этих людей. Причем именно тесная совместная работа позволила с максимальной эффективностью раскрыться их новым талантам и в значительной степени нейтрализовала какие-то проявления личностных характеристик, не идущих на пользу дела.

Специалисты-психологи в таких случаях констатируют, что внутренний климат в этом небольшом коллективе приближается к идеальному. А подключение к группе Галины Алексеевой – Гюльчатай хотя и было поначалу встречено в штыки самим Талеевым, оказалось очень удачной находкой. Девушка сразу оказалась своей и для взрывного импульсивного Вадима, и для немногословного, рассудительного и хладнокровного Анатолия. А уж чувства, которые она испытывала к Герману Талееву, не были секретом ни для кого в Команде. Хотя на эту тему было негласно наложено табу и она никем никогда не обсуждалась.

Журналист по природе своей был лидером, вожаком – и одновременно очень либеральным командиром. Он долго противился, чтобы к нему обращались «командир», «шеф», «патрон», «босс», но потом махнул на это рукой: ну что поделаешь, если его товарищам так нравится! Однако работа научила его по необходимости быть жестким и даже жестоким. Тогда он не терпел ни малейших возражений, его короткий приказ становился неукоснительно выполняемым законом, и желающих опровергнуть это утверждение на практике не находилось.

Сами же Вадим и Толя, работающие в Команде с момента ее создания, были просто неразлейвода. Многие принимали их за родных братьев, хотя, пожалуй, единственное, чем они походили друг на друга внешне, был темный цвет волос. Вадим – балагур, весельчак, язва – был пониже ростом и не так массивен. Решения принимал молниеносно, часто интуитивно, импульсивно. Отличался фантастической меткостью в метании ножей, а также, по его собственному гордому признанию, еще и топоров, бумерангов и мясорубок. Ходили слухи, что он долго выступал в цирке как метатель кинжалов. Но говорить о прошлой жизни в Команде было не принято, здесь все были теми, какие они есть в данный момент. Неунывающему Вадиму даже печальные события своей теперешней нескучной жизни удавалось оборачивать себе во благо. В одной из схваток с бандитами была серьезно повреждена кисть его левой руки. Пуля вспорола плоть, разорвав мышцы и сухожилия, повредив кости. Всерьез заговорили об ампутации. Но Вадик согласился на, казалось, совершенно авантюрную серию болезненных экспериментальных операций, и рука зажила новой жизнью. В ней появились микропротезы мельчайших косточек запястья, прижились новые сухожилия и даже мышцы, позаимствованные то ли у обезьяны, то ли у свиньи. Через полгода утомительных процедур рука не только восстановила все свои первоначальные функции, но и стала обладать силой, значительно превосходящей человеческую. Даже операционные шрамы не выглядели слишком жутко. Но Вадим теперь никогда не снимал черной лайковой перчатки. «Моя фишка!»

А вот о давних спортивных успехах Анатолия знали все. Он был серебряным призером Олимпийских игр по стрельбе из пистолета. Это научило его сохранять железное спокойствие и невообразимое хладнокровие в самых экстремальных ситуациях. Но несколько случаев показали и другого Анатолия: разъяренного, необузданного, неуправляемого. Вот только единственными живыми свидетелями были те же Вадим да Талеев, которые непоколебимо молчали, а объекты Толиного гнева все оказались, увы, мертвы. Разве живут даже плохие люди с пулевым отверстием во лбу, точно между глаз?

Сейчас, когда до посадки в аэропорту Мурманска оставались считанные минуты, друзья после полуторачасовых ожесточенных споров на протяжении всего полета наконец выработали общий план действий и распределили обязанности. Решено было работать по двум основным направлениям. Первое, которое особенно горячо отстаивал Вадик, можно было назвать «шерше ля фам».

– По-твоему, что, французы такие тупые, да? Это ведь они сказали, а не я. Везде – «ля фам»! Вся мировая история это подтверждает: у Цезаря все из-за Клеопатры, у Наполеона – из-за Жозефины...

– А с греками как быть?

– С какими еще греками?

– С древними. Там вроде одни мужики. А девочек вообще – в пропасть!

На секунду Вадим нахмурился, но тут же его лицо озарилось широкой улыбкой победителя:

– Ни фиги! В пропасть – это Спарта. А у них одна Елена Прекрасная чего только понаделала. И Сократ не стал бы философом, если бы не женился на сварливой Ксантиппе. Знаешь, Толя, я даже подумываю, что не от хорошей семейной жизни Диоген в бочку залез, а Архимед в математику подался!

– Логично. Так я и не спорю. Только, спускаясь с Олимпа к нашим баранам, предлагаю не заикливаться на одной линии, пусть даже такой прекрасной и соблазнительной. Тем более что пока для ее разработки нет ни единого намека.

– А-а-а! Сам видел еще в Москве по материалам, как тут дознание и расследование проводили. Что милиция, что ФСБ...

– Так они же все, по сути, государственные чиновники. Чтобы дело слепить и через суд протолкнуть нужны вещественные доказательства. Причем неопровержимые.

– Вот-вот, – Анатолий разгорячился, как будто затронули его больное место, – неважен общий смысл преступления; давай объект – навешаем неопровержимых улик, и готова галочка в отчете! А если объект мертв, тут же записывают в «глухари» и – в архив.

– Ну, ты прав лишь отчасти. Давай не будем спорить. Мы не чиновники, у нас абсолютно другие задачи. Что не подойдет для суда, нам вполне сгодится.

Вадим согласно кивнул, а Толя продолжил:

– Значит, и нам – в архив. Милиция с радостью поможет: ведь не им в дерьме ковыряться.

– Вот ты к ним и двигай, дипломат ты наш. И с ФСБ поконтрактируй. А я уж как-нибудь по малоизученной линии «ля фамов». Кстати, чуть не забыл: что это в Москве тебя так заинтересовало в посмертных фотографиях Симакова? Обещал поделиться.

– Да нечем пока, Вадик. Только будет у меня тебе одно попутное задание, когда ты в гарнизоне подводников, где служил Симаков, станешь местный женский бомонд теревить. Попытайся выяснить, не было ли у нашего Валентина каких-нибудь хронических или наследственных заболеваний.

– Погоди-погоди. Как я понимаю, чтобы служить в Военно-морском флоте, а потом еще устроиться на угледобычу на Шпицберген, надо иметь отличное здоровье.

– Ну, кое-какие отклонения по соответствующим медицинским статьям допускаются, но в идеале ты прав. И как раз это меня настораживает. Хочу проверить одну теорию. Так что попробуй взглянуть на его медицинские карты, книжки и просто в записи местных врачей. Не будет ли каких разночтений, любых нестыковок.

– Слушаюсь, гражданин начальник! Будут тебе болезни, будут «ля фамы». Подымайся, прилетели!

Начать Анатолий решил с визита в Областное управление ФСБ.

Путешествие по его кабинетам оставило в душе двойственное чувство. С одной стороны – предельная корректность и вежливость, с другой – явное нежелание делиться любыми про-

фессиональными секретами, настороженность, даже подозрительность. Постоянные звонки по телефону, уточнение его полномочий, согласование с начальством любых бесед с ним. А если бы не было «красного кода»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.